МК

СКАЗАНІЕ И ПОВѢСТЬ,

ЕЖЕ СОДѢЯСЯ

В ЦАРСТВУЮЩЕМ ГРАДѢ

МОСКВѢ,

И

О РАСТРИГѢ,

ГРИШКѢ ОТРЕПЬЕВѢ,

И О ПОХОЖДЕНІИ ЕГО.

МОСКВА.
Въ Университетской Типографіи.
1847.

По опредѣленію Общества 26-го апрѣля 1847 г. Москва.

Секретарь О. Бодянскій.

ИЗДАНІЕ

ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Исторіи и Древностей Россійскихъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сообщаемъ „Сказаніе и Повѣсть“ эту по двумъ спискамъ, доставленнымъ въ Общество Гг. Д. Членами его, Иваномъ Петровичемъ Сахаровымъ, и Его Сіятельствомъ, Княземъ. М. А. Оболенскимъ. Перваго списокъ въ 4-ку, на 30 л., писанъ одной рукой, если не ошибаемся XVII вѣка, сначала хорошими чернилами и рачительно, но чѣмъ далѣе, тѣмъ чернила становятся блѣднѣе, а почеркъ связнѣе, съ оборота же 20 л. совершенно желтоватыя. Заглавіе сдѣлано киноварью, а въ концѣ, въ самомъ низу, находится приписка другой рукой и чернилами (блѣдными), указывающая на одного изъ владѣтелей списка, въ началѣ прошлаго столѣтія, именно: „Списокъ Святаго Евфимьева монастыря Подячихъ Гаврила да Ивана Дамаковыхъ, а подписалъ Иванъ Раминъ ҂аѱ҃ді года, Февраля иі҃ д.“ Но между первою и второю строкою этой приписки, къ лѣвой рукѣ, читаетс еще имя одного владѣльца списка, и притомъ написанное одной рукой и чернилами съ самой рукописью, „Григоря Захарова,“ вѣроятно, самаго списчика. Списокъ этотъ полученъ нынѣшнимъ вла-

дѣтелемъ его отъ Г. Кастерина, 1846 г., какъ означено это внизу перваго листа. Языкъ и многія другія особенности этого списка заставили насъ положить его въ основаніе при изданіи и подвесть къ нему одни только разнословія изъ другаго списка, упомянутаго выше. Этотъ послѣдній сдѣланъ въ новѣйшее время, но, судя по объявленію, приложенному въ началѣ его, снятъ съ рукописи начала прошедшаго вѣка, писанной скорописью, въ 4-ку, на 79 листахъ, въ которой это Сказаніе и Повѣсть составляетъ первую статью, въ коей, послѣ заглавія, прибавлено: „съ присовокупленіемъ записи, данной въ 1604 году, Мая 25, Лжедимитріемъ Юрью Сендомирскому (Грам. Т. II. № 76), и показаній Бучинскихъ о Самозванцѣ (Т. II. № 140), что, однако же, въ самомъ текстѣ не означено явственно, но нами отдѣлено. Прочія статьи этой рукописи: 2) л. 44. Грамота отъ Россійскихъ Бояръ въ Тушино къ Гетману Ружинскому и къ Польскимъ и Литовскимъ войскамъ, съ увѣщаніемъ отложиться отъ втораго Самозванца, 7114 (1606), авг. 16. 3) л. 46. Милостивая грамота Царя Василія Іоанновича Боярину Князю Михаилу Васильевичу Скопину Шуйскому, съ моленіемъ поспѣшить на избавленіе бѣдствующаго отечества, 7117 (1609), іюн. 2. 4), л. 50. Грамота Князя Димитрія Михайловича Пожарскаго въ Сѣверскіе города, 7120 (1612), іюня (Грам. Т. II. № 281). 5) л. 55. Грамота изъ Ярославля Князя Дм. Мих. Пожарскаго Митрополиту Казанскому Ефрему, 7120 (1612), іюля 29 (Т. II. № 285). 6) л. 56. Грамота Стольника Князя Дм. Мамстрюковича Черкасскаго къ Австрійскому Посланнику, Якубу, увѣдомительная объ отправленіи къ Императору Матіасу Россійскихъ Пословъ съ прописаніемъ несправедливостей Короля Польскаго. 7) л. 62. Письмо изъ Кобыща Польскаго вельможи, Адама Киселя, къ Боярину Князю Алексѣю Никитичу Трубецкому съ товарищами, съ увѣдомленіемъ объ отправленномъ отъ Короля, по желанію Царя, Алексѣя Михайловича (Русскомъ) мраморномъ надгробномъ

камнѣ съ надписью, и съ испрашиваніемъ отъ Царя нѣкоторыхъ наградъ, обѣщанныхъ Киселю, за доброхотство его Россійской Державѣ, 1648, февр. 25. 8) л. 65. Грамота отъ духовныхъ и свѣтскихъ особъ, собравшихся въ Москвѣ, въ Царево-Сенчурскъ, съ упрекомъ за неприсылку выборныхъ людей и съ увѣдомленіемъ объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича, 7121 (1613), февр. 28. 9) л. 70. Отписка Казанская съ увѣдомленіемъ объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича и отправленіи по сему случаю благодарственнаго молебствія. 10) л. 75. Гласъ рыданія на преставленіе святыя и блаженныя памяти Благочестивѣйшаго Великаго Государя Царя и Великаго Князя, Алексѣя Михайловича, Божіею милостію всея Великія, и Малыя, и Бѣлыя Россія Самодержца и инымъ многимъ государствамъ и землямъ, Восточнымъ, и Западнымъ, и Сѣвернымъ Отчича и Дѣдича, Наслѣдника, Государя и Обладателя, еже бысть 7184 (1676) года, генваря съ 29 числа противъ 30, въ 4-мъ часу нощи. И паки гласъ утѣшный на возведеніе на престолъ Великаго Государя Царя и Великаго Князя, Ѳеодора Алексѣевича (Элегическое стихотвореніе Симеона Полоцкаго.). Изъ этѣхъ статей, находящіяся подъ №№ 2, 3, 6 и 7, присовокуплены къ самому разсмотриваемому списку и будутъ изданы нами въ скоромъ времени особо.

Незабвенный Исторіографъ нашъ, Н. М. *Карамзинъ*, много пользовался этѣмъ Сказаніемъ и Повѣстью въ своей И. Г. Р., какъ это видно изъ выписокъ въ Томахъ X и XI, именно Примѣчанія: Тома X, 247; Т. XI. 194, 196, 199, 200, 202, 207, 216, 322, 332, 356, 403, 407, 410, 460, 462, 474, 481, 317, 319, 322, 324, 327, 356, 357, 358, 332, 362. Но списокъ Исторіографовъ, подъ № 93-мъ, не вездѣ хорошъ, какъ это показываетъ сличеніе выписанныхъ имъ мѣстъ въ примѣчаніяхъ съ издаваемымъ нами; приведемъ, для образца, два, три примѣра: Монастырь *Свинскій* названъ у Ка-

рамзина двояко въ одной и той же выпискѣ (XI, 196): *Шильскій* и *Сянскій*; или (пр. 199): *Воловичи* названы *Виловичи*. Впрочемъ, и въ спискѣ Сахаровскомъ, равно какъ и Архивскомъ, доставленномъ Княземъ Оболенскимъ, довольно таки разнорѣчій одного другому, отмѣченныхъ нами особо, подъ конецъ. Что до Г. *Арцыбышева*, то онъ въ своемъ „Повѣствованіи о Россіи" не имѣлъ подъ руками у себя этого Сказанія и Повѣсти, а пользовался только выписками Карамзина.

Д. Ч. О. Бодянскій.

Москва.
Мая 26, 1847 г.

СКАЗАНІЕ И ПОВѢСТЬ,

еже содѣяся

ВЪ ЦАРСТВУЮЩЕМЪ ГРАДѢ МОСКВѢ

И

О РАСТРИГѢ ГРИШКѢ ОТРЕПЬЕВѢ,

И О ПОХОЖДЕНІИ ЕГО.

Въ лѣто 7092, Марта въ 19 день, преставися Благовѣрный Царь и Великій Князь Иванъ Васильевичь всеа Россіи, и по немъ воспріемлетъ скиѳетръ Россійского Государства [1] сынъ его, Благовѣрный Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Іоановичь всеа Россіи. Другій остася [2] сынъ его Царевичь Дмитрей Іоановичь [3], младъ сый лѣто едино [4] и мѣсяцъ пять. И при державѣ Государя Царя и Великаго Князя Ѳеодора Іоановича всеа Россіи бысть властелинъ, Царевъ шуринъ, Борисъ Годуновъ, и съ родомъ своимъ начаша [5] умышляти на Царскій родъ и на великихъ бояръ, подъискивая Государства Россійскаго [6], какъ бы Царскій родъ извести и великихъ бояръ, и въ Россійское Государство воцаритися. Въ первое лѣто по преставленіи Царя и Великого Князя Ивана Васильевича всеа Россіи посылаетъ Борисъ сына его Царевича Димитріа Іоановича на Углечь [7] съ Царицею, его матерію, Маріею, и Нагихъ съ нею, отца ея Ѳеодора Нагова, и иныхъ Нагихъ [8] Аѳонасья, да Андрея, да Семена посылаетъ по городомъ по Низовскимъ въ темницы, и тамо ихъ голодною смертію поморища и иныхъ Царскихъ дворянъ многихъ.

И въ лѣто 94 году Борисъ Годуновъ съ родомъ своимъ умышляетъ и присовокупляетъ къ себѣ Андрея Щелкалова и нарицаетъ его себѣ отцемъ, и брата его Василья, и возводитъ не истинною, но злымъ своимъ умышленіемъ на великого болярина, на Князя Ивана Ѳедоровича Мстиславского напрасно измѣну, и посылаетъ его на Бѣло Озеро въ Кириловъ монастырь въ заточенье, и постригоша его въ иноческій образъ, и по малѣхъ лѣтѣхъ тамо преставися. Въ лѣто 95 году возводитъ своимъ умыш-

леніемъ измѣнное слово и составляетъ [10] соборъ лживый на образъ истинный [11], наводя великихъ и славныхъ боляръ Царскихъ Православныя [12] Христіанскія вѣры правителей, на Шуйскихъ, на Князя Ивана Петровича, и на Князя Василья Ивановича [13], и на Князя Андрея, и на Князя Дмитрея, и на Князя Александра, и на Князя Ивана Ивановича, и розсылаетъ ихъ по городомъ въ темницы въ заточенія: Князя Ивана Петровича на Бѣло Озеро, Князя Василья, да Князя Александра въ Галичь, Князя Андрея въ Буй городъ, Князя Дмитрія, да Князя Ивана въ Шую городъ. И повелѣша на Бѣлѣ Озерѣ Князя Ивана Петровича мученически скончати Князь Ивану Туренину огнемъ и дымомъ подушити въ темницѣ, и тако преставися Благовѣрный Князь Иванъ Петровичь въ лѣто 97 году, мѣсяца Апрѣля въ 10 день, и положиша мощи его въ Кириловѣ монастырѣ; а Князя Андрея Ивановича Шуйского въ Буй [14] городѣ повелѣша въ темницѣ смертнѣ [15] Маматову убити, и тако преставися мученически въ 97 году, мѣсяца Маія въ 8 день. И на Москвѣ много казниша гостей и торговыхъ людей и смертію умориша семь человѣкъ, а многихъ Царскихъ дворянъ и служивыхъ людей, и приказныхъ, и гостей, и торговыхъ людей, Православныхъ Христіянъ разослаша въ Поморскіе городы, и въ Сибирь, и на Вологду [16], и на Терекъ, въ темницы и въ пустыя мѣста; и тамо многіе Православные Христіяне помроша мученическою смертію, гладомъ, и наготою, и скорбію великою въ бѣдахъ, и въ темницахъ, и въ узахъ, и въ нестроеніахъ всякихъ, ихъ же имена написана въ книгахъ животныхъ. И оттолѣ нача Борисъ Годуновъ умышляти о убіеніи Царевича Димитрія Іоановича на Угличѣ, и посылаетъ лютаго и звѣрообразнаго Михайла Битаговскаго, да сына его, Данилка, съ товарищи на Угличь, и повелѣваетъ убити Царевича Димитрія Іоановича на Угличѣ въ лѣто 7099 году, Маія въ 15 день, отъ Данилка Битаговскаго, да отъ Никитки Качалова, и положены мощи его тутъ же на Угличѣ у Всемилостиваго Спаса во храмѣ; а которые Православные Христіане стали за убіеніе Царевичево, и тѣхъ Православныхъ Христіанъ Борисъ Годуновъ повелѣлъ въ Сибирь разослать, и въ Пермь Великую въ заточеніе и въ пустыя мѣста. И послѣ того не по мнозѣ времени въ лѣто 7106 году, Генваря въ 6 день, преставися отъ Бориса же Благовѣрный Христолюбивый Государь Царь и Великій Князь Ѳедоръ Ивановичь всеа Россіи, и смиренный и кроткій. И послѣди начатъ Борисъ Годуновъ возвышатися, и укрѣплятися на Россійское Государство, и приводить къ себѣ всякихъ вельможъ, овыхъ лестію, и дары, и словесы лукавыми, обѣщаніемъ, а иныхъ угрозами, и свирѣпствомъ, и розысканіями, и тако воспріемлетъ Россійское Государство, поставленъ бысть Царемъ въ лѣто 7106 году, мѣсяца Сентября въ 1 день. И во 112 году, при державѣ Царя и Великаго Князя Бориса Ѳедоровича всеа Россіи Самодержца, иже на востокъ лежащія вселенныя части превеликія и многонародныя человѣки о власти Россійскаго Государства славнаго и великаго царствующаго града Москвы того великаго Государства, воста зельная

буря противными вѣтры [17], изыде лютый неукротимый левъ и воскочи злый и свирѣпый змій еретическимъ ухищреніемъ самомнительною лестію [18], Антихристовъ предтеча, умысли злымъ своимъ лукавымъ совѣтомъ, не убояся смертнаго послѣдняго часу и неустрашися неизмолимаго и трепетнаго Божія суда, быстрообразно паки же и напрасно и безстудно воскочи, яко левъ восхити солнца круга высока пресвѣтлую и великую церковь [19], иже отъ начала отъ Іерусалима законъ и вѣру воспрія, Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго ея Успенія и великихъ чудотворцовъ Московскихъ, Петра, Алексѣя, Іоны, сихъ великихъ Святыхъ злокозненно и злобѣсно своимъ еретическимъ и Латинскимъ прикосновеніемъ оскверни, грѣхъ ради нашихъ, окрестные же грады Россійскаго Государства вcѣ возмяте и прельсти Антихристовымъ дѣйствомъ. Яко же убо древній вражебникъ человѣческаго рода плевелы своя всѣвати извыче, тако же и той Антихриствовъ предтеча, Гришка Отрепьевъ, Богомъ насажденный и многочеловѣчный виноградъ прелестію своею яко птицы уязви. Кто бо есть отъ благочестивыхъ и благоразумныхъ человѣкъ, еже не помянетъ глаголы Пророческіе [20], яко же есть писано озоба и вепрь отъ луга, инокъ (?) дивій поядая? Кого не подвиже жалость и не ужаснется сердцемъ, видя волка воскочивша и человѣки Антихристовымъ дѣйствомъ [21] прельстивша? Или кто не восплачется и не смирится и паки не усумнится новаго еретика и отступника явственнаго Антихристова предтечу, кто не умилитъ сердца своего, видя Богомъ насажденный виноградъ прельщающь и поклоняющася звѣрю и змію [22], реку же и лживому пророку, сему треглавному христіянскому злодѣю, повергшему Ангельскій образъ и восхитившему преславный престолъ напрасно, его же пришелъ есть день во время неправды, егда [23] открышася нечестія наша и явишася беззаконія наша, умножишася и злобы наша, яко же Пророкъ глаголетъ: [24] И ты старѣйшина Израилевъ, иже пришелъ день во время неправды сей [25], глаголетъ Господь, сойми клобукъ и положи вѣнецъ, та не такова будетъ, смиривый высокое и вознесе смиренное, неправдою неправду положу, и та не такова будутъ, и прочая? Сей треглавный лютый змій, Гришка Богдановъ сынъ Отрепьевъ, отъ юности своея, яко лютый звѣрь, витая и надымался по дѣйству сатанину, и крыя злобу на сердцѣ своемъ, како бы ему получити желаніе свое, сего лукаваго совѣту отнюдь никому не объяви, но скрывая злобу въ утробѣ своей, понеже Богу попущающу, а врагу дѣйствующу; рожденіе и воспитаніе имѣя града Галича [26]; дворянскаго чину, отъ предстоящихъ Царю знаемъ отъ многихъ боляръ. Во единъ день преступи предъ Царемъ, и съ нимъ въ томъ же преступленіи бысть того же чину родомъ Серпьянинъ Михайла Трофимовъ [27] сынъ Повадинъ. Той же Гришка Отрепьевъ утаився страха ради Царя Бориса, иже гоненіе воздвиже на великихъ боляръ и въ заточеніе посылая, яко же [28] овыхъ и [29] смерти предавая. Царскій же благодатный корень, Ѳеодора Никитича Романова и съ братіею прочіею его, тѣхъ въ заточеніе посылаетъ [30], тако же и Князь Бориса Келбулатовича, и Княгиню его, и

сына его, Князя Ивана Борисовича Черкасскихъ тако же въ заточеніе посла. Сей же Гришка Отрепьевъ ко Князю Борису Келбулатовичу въ его благодатный домъ часто приходилъ и отъ Князя Ивана Борисовича честь пріобрѣталъ, и тоя ради вины на него Царь Борисъ не годова; той же лукавъ сый, вскорѣ избѣжавъ отъ Царя, утаився во единъ монастырь, и пострижеся; но по многомъ же времени пріиде въ царствующій, градъ Москву и пребысть мало въ Чудовѣ монастырѣ, и восхити діаконскій чинъ, и вселися ко Іеву Патріарху, и тамо научився книгамъ зѣло. И абіе нача злобу являти и злодѣйственно свое дѣло простирати, мыслить окаянный итти во градъ Брянескъ въ Свинскій монастырь, и призываетъ къ себѣ въ совѣтъ Михаила Повадона, его же выше именовахомъ: Съ тобою ми рѣчь насладитися [31] благихъ, понеже Сѣверская страна [32] кипящи обиліемъ всѣхъ, да тамо вселимся и поживемъ въ Путимлѣ и въ Черниговѣ, помолимся святымъ мѣстомъ [33], и паки возвратимся [34], въ царствующій градъ. Сіе же ему рекшу, не объяви емуотнюдь лукавый прелести своей. Михаилъ же сія слыша, радостенъ бысть, простъ сый въ разумѣ, не утверженъ, и призываетъ Мисаилъ третіяго друга своего, Варлаама, во единомъ Чудовѣ монастырѣ жилище имать, яко да шествуютъ въ Сѣверскія страны и насладятся благихъ; имя же старцу [35] тому Варламъ, священничества [36] чиномъ почтенъ, и той паки итти восхотѣ, и снидошася вся три вкупѣ, и начаша глаголати о томъ же, и пріидоша къ Живоначальнѣй Троицѣ въ паперть, еже есть на рву, и знаменовашеся образомъ Пречистыя Богородицы честнаго и славнаго Ея Одигитрія, яко да другъ отъ друга не разлучатися, но быти намъ вкупѣ и въ любви, и другъ друга слушати во всемъ, аще явится угодно имъ. И сіе рекъ, знаменовавшеся образомъ Матери Божія, сій лютый волкъ, Гришка Отрепьевъ, и утаився Святѣйшаго Іева, Патріарха Московскаго и всея Россіи, со оными двѣма мнихи бѣгуся ять, и вскорѣ достиже Сѣверныя страны, града Брянска, и пріидоша въ Свинскій [37] монастырь, и тамо пребысть 7 дній въ покоѣ и въ изобиліи [38]. Той же лютый волкъ отнюдь не воспрія питія, но желаше насытитися въ питья мѣсто крови Святыхъ; старца же она, Мисаилъ, и Варлаамъ, зѣло не годующи о томъ на него, яко да съ ними не піетъ, но творитъ себе, яко святъ. И ту абіе умысли, яко иные скудости ради тѣлесныя по сей Сѣверной странѣ со образомъ ходити и на церковное сооруженіе [39] сбирати, Пречистыя Богородицы въ Саватіевъ монастырь, и бысть угодно и мнихома двѣма и обтецающе вся Сѣверскія страны, сбирающе сребро [40] и вся, яже суть угодно имъ. И виндоша въ нѣкую весь близъ Литовскаго рубежа, и видятъ ту велій пространный путь, и воспрія ихъ въ домъ едина жена, и честно ихъ угостивъ; и егда же сѣдяще за столомъ, и вопросиша жену о пути, гдѣ сей пространный путь и въ кою страну прилежащъ? И глагола жена: путь сей, господине, за рубежъ въ Луеву гору, и нынѣ на томъ пути заставы суть отъ Царя; не вѣмъ, кто съ Москвы безъ вѣсти въ сія страны бѣгуся ять, того ради во всей странѣ сей крѣпкія заставы сія. И тогда Гришка Отрепьевъ отъ

страху яко мертвъ. Мисаилъ же рече: Повѣждь намъ, о жено! гдѣ путь къ Чернигову прилежащъ? Мы бо Клирики суть, хощемъ помолитися тамъ; жена же имъ скоро путь показа и возвратися въ домъ свой. Мниха же она шествія творяше къ Чернигову и отъ солнечнаго зженія почиста подъ нѣкоемъ древомъ прекраснымъ зѣло. Тогда же Гришка Отрепьевъ откры совѣтъ свой мнихома двѣма и рече: Слышаста ли, братія, гласъ отъ жены, яко заставы по всей Сѣверской странѣ, и не вѣмъ кто съ Москвы наречеся бѣгунъ? И нынѣ, братія, послушайте мене: насъ ради заставы сія, азъ же утаився Іева Патріарха и съ вами бѣгу ся ятъ; имѣю нынѣ быти, аще въ руцѣ впадемъ Бориса Царя и отселѣ не имамъ живота, аще ли вы будете на Москвѣ, то мене ради гозиете живота, аще ли нынѣ придемъ въ Черниговъ, и то такожде связанныхъ и позорныхъ насъ приведутъ ко граду царства Бориса Царя, и тамо не имѣ отъ него воспріяти живота; аще нынѣ восхощете послушати мене и помните обѣщаніе свое, еже обѣщастеся въ паперти у Живоначальные Троицы на рву, еже есть на Москвѣ, да послушати другъ друга, и нынѣ послушайте, братія, мене, да избѣжимъ сѣти напрасные смерти Бориса Царя, да пойдемъ чащею сею и лѣсомъ симъ за рубежъ, и пришедше за рубежъ [41] да объявимся въ Литвѣ, да пребудемъ время сіе въ Кіевѣ и помолимся Антонію и Θеодосію, чудотворнымъ мощемъ, да объявится дѣло сіе кого ради заставы сія. И ся рекъ Гришка Отрепьевъ и постави образъ Пречистыя Богородицы и нача молитися, да избѣгнутъ отъ руки Бориса Царя, и угодна бысть мнихомъ его словеса, и совратишася съ пути, и пойдоша къ Востоку къ Кіеву, прямо Луевы горы, и пройдоша непроходимыя дебри, и идоша три дни и три нощи, мѣсто же то едва проходимо, лѣсъ и чаща велія. И пріидоша въ четвертый день на нѣкій боръ велій зѣло, и тамо видятъ ходяща человѣка и кошницу на плещу носяща, и устрашишася мниха, чающе Руской человѣкъ, отъ нихъ же бѣжаста, и близъ его пріидоша и познаша его, яко Польскій человѣкъ, и ради быша, яко избѣжаша отъ сѣти ловца. И нача вопрошати его Гришка Отрепьевъ: Повѣждь ми, Пане, кая страна сія и кая область, и кто владѣетъ ею; Рускихъ ли страна, или Польскихъ, молютися, скажи ми? Полякъ же рече: Страна сія Бѣлорусская суть, владѣетъ ею Польскій Августъ [42] Жигимонтъ Краль, мѣсто имѣнье двою братовъ, Миколая и Яна Воловичей; мой панъ, Миколай Воловичь, недалече отсела на пути въ Луевой горѣ; добрѣ васъ пріиметъ и угоститъ. А который же братъ Янъ, вѣрою Люторъ, жестокъ зѣло сый и немилостивъ; [43] едва кто преходитъ сквозѣ имѣніе его. Азъ есмь бортникъ Миколая Воловича, имя же мое Якубъ. [44] Скажите ми, коея вы есте страны и ка копроидосте пазъ Великія Россія крѣпкія заставы сія по всей Сѣверной странѣ? Мисаилъ же рече: Мы, Пане, клирицы суть, вольность имѣемъ по всей вселеннѣй, яко же вольность въ нашихъ странахъ; и о семъ молимъ та, нѣсть ли выдачи отъ вашія страны на Великую Русь, аще кто преселится сѣмо? Полякъ же рече: Нѣсть; но пойдемъ до Государя Пана мо-

мосто! Они же радовахуся, и идяху къ Миколаю Воловичу, и пріяти бысть радостию, угости ихъ вельми и пребысть въ дому его девать дней. Глаголаше убо, сѣдяще съ нимъ Гришка Отрепьевъ, отъ книгъ той Панъ Миколай искусенъ Грамотическіе премудрости, но не возможе претися, часто попираемъ въ словесѣхъ. И почте ихъ, угости и отпусти ихъ съ миромъ, и наказа имъ, како бѣ имъ притти къ брату его, Яну, Лютору сущу, и како бѣ имъ сохранитися отъ него. Они же шедше отъ Миколая къ брату его, къ Яну Воловичу, и пришедше во имѣніе его, и видѣ его по двору ходяща и съ Паны своими рыцарствующи; они же внидоша на дворъ, онъ же нача ихъ карати, что сѣмо пріидосте, шпиги, и хотя ихъ посѣщи; они же сказаша ему, како пріидоша и како братъ его, Миколай, угостивъ ихъ, и принесоша къ нему картечку отъ Миколая брата его, дабы надъ ними помилованье учинилъ. Такожде и Янъ любезно ихъ воспріялъ, и послалъ ихъ въ каморы своя, самъ же еще на дворѣ мѣшкая. Они же внидоша въ каморы его, и видѣвъ ту сѣдяща шурина его, Лютора же суща, именемъ Флоренцъ, и воста, и витаяся, и нача глаголати о Вѣрѣ: коея Вѣры есте? Гришка Отрепьевъ вся подробно ему отвѣща и многія мудролюбныя словеса къ нему нарече, и тогда Флоренцъ воста и цѣлова ихъ любезно, и рече: [45] Истинныи есте премудрыи клирицы суть, да пришли есть въ нашу Орду о духовныхъ бесѣдовати. И возва изъ свѣтлицы зятя своего, Яна Воловича; онъ же вниде въ камору свою, поклонитися [46] имъ, и витаяся, и рече Флоренцъ ему: Пане Яне! Истинныи клирицы мудролюбезныи зѣло, Вѣры же Каѳалическія. Янъ же, витаяся, рече: Истинно, Пане, Каѳалическая Вѣра съ нашею единака зѣло; Гришка же Отрепьевъ рече: Пане [47]! Не единака Каѳалическая Вѣра съ Польскою: вы Божеству приносите опрѣснокъ [48], а мы, Каѳолики, приносимъ жертву о хлѣбѣ живомъ. И сими словесы угодно бысть Яну Пану, и учреди ихъ въ дому своемъ ваще Миколая, брата своего, и пребысть въ покоѣ 40 дни, бесѣдующе и глаголюще о Вѣрѣ и о противленіи, и во всѣхъ словесѣхъ побѣждены быша отъ него; тако бѣсѣдова [49] во всѣ 40 дней и отпущены быша къ Луевымъ Горамъ коннымъ путемъ. Отъ Луевыхъ горъ до града Луева путь 15 [50] миль, и пріидоша въ Луевъ городокъ, бѣ бо тутъ Воевода и Панъ Станиславъ Прокулицкій, и той пріятъ ихъ любезно [51], и угостивъ ихъ и отпусти ихъ въ Кіевъ коннымъ же путемъ. И егда достигоша великаго града Кіева, и пріидоша во градъ во Острозѣполь [52], иже въ Волынстѣй землѣ лежащъ, отъ Кіева 30 миль, идѣ же живаше Князь Константинъ Констянтиновичь, Воевода Кіевскій, Панъ Острожскій и Маршалокъ земли Волынской, Староста Владимерскій и Господинъ Бѣлорускій. И пріидоша въ Острозѣполь и повѣдаша объ нихъ Князю Констянтину Констянтиновичу, и повелѣ имъ внити въ полаты своя, и внидоша и поклонишася ему, и видѣхъ благовѣрнаго Князя, сѣдяща на мѣстѣ своемъ, возрасту мала суща, браду имѣя до земли, на колѣнѣхъ же его посланъ бысть платъ, на немъ же лежаще его брада. И воста Великій Князь Констянтинъ, и любезно ихъ воспріятъ, и повелѣ имъ сѣсти, и вопроси у нихъ, коея Вѣ-

ры и коея страны, и нача глаголати Гришка Отрепьевъ вся поряду жъ, иже выше именовахъ и возрадовася о семъ Великій Князь. Въ той же день покоивъ я зѣло, наутріе повелѣ имъ службу совершити во храмѣ своемъ, бѣ бо у него храмъ въ Острозѣполѣ во имя чюднаго Богоявленія Господа Бога и Спаса Нашего Іисуса Христа, украшенъ всякими красотами и иконами, и книгами, и всякимъ церковнымъ строеніемъ, объ единомъ версѣ. И егда служба совершися, и паки учредиша ихъ, и пребыша въ дому его два мѣсяца и всѣмъ ихъ угости, и отпусти ихъ въ Кіевъ въ Печерскій монастырь. И пріидоша въ Кіевъ и почиша у теремѣ [53] день единъ; во утріе же пріидоша въ Печерскій монастырь и возвѣстиша Архимандриту, и пріятъ ихъ Архимандритъ Киръ Іелисѣй, и благослови ихъ и повелѣ имъ пребыти въ монастырѣ. Той же Гришка Отрепьевъ всегда во градѣ Кіевѣ поучающеся Латынству, и Люторству, и Римскому мнишеству, и всякимъ причинамъ ихъ; и поживъ мало время въ Кіевѣ, и оттолѣ оставляетъ братію свою, Мисаила и Варлама, и утаився отъ всѣхъ ибѣгу ся я, и приложися къ Запорожскимъ Козакомъ въ роту старшины ихъ, Герасима Евангилика суща, пріятъ бысть ими честно и много съ нимъ крови, разбойнымъ обычаемъ, проливалъ и святыхъ мѣстъ разоралъ, понеже Запороги воевали окольныя мѣста окрестъ Кіева града пенязей ради своихъ. И дойде слухъ объ немъ ко Князю Констянтину Констянтиновичу, яко и той обрѣтеся съ ними ту, и заповѣда его поимати. И бысть тамо лютый левъ съ Ротмистромъ Герасимомъ время немало, и пріиде орудія ради своего въ Печерскій монастырь, тогда же Печерскаго монастыря Архимандритъ Киръ Іелисей [54] позна его и благослови, и повелѣ его чашнику, старцу Іеву, поити и кормити, да напився не избѣжитъ изъ монастыря. Онъ пивъ много и бесѣдовавъ довольно съ чашникомъ, Іевомъ, вопроша про братію свою Мисаила и Варлама; Іевъ сказа ему, яко изволи по твоему отшествію взяти Князь Констянтинъ Констянтиновичь въ свой благовѣщенской монастырь, идѣже его родители лежатъ, а тебя, брате, Архимандритъ, Іелисей, и до себя не велѣлъ спустити, бѣ бо тогда Архимандритъ Іелисей въ день недѣльный поѣхалъ въ Кіевъ къ Пречистой Богородицѣ въ Соборъ. И пріятъ на сердцѣ своемъ Рострига Гришка Отрепьевъ великій страхъ, како бы ему уйти изъ монастыря, дондеже Архимандритъ во градѣ. И егда же пойде Іевъ чашникъ по питье, еще да упоитъ его и да не утечетъ изъ монастыря, онъ же, лукавъ сый, егда же пойде чашникъ по питье, въ мгновеніи ока изъ монастыря утече и безвѣсти бысть, старецъ же вся и всюду ища его, и не обрѣте. Егда же сей злодѣй утече и паки бѣжа, и тогда окаянный пріиде во градъ Самборъ, во имѣніе великаго Пана, Михаила Ратомскаго, и Пана Александра и Князь Юрья Свирскихъ [55], и пріятъ бысть ими радостно, и послаша его въ Стодольскій монастырь, идѣже у нихъ родители лежатъ, тамо жъ и костелъ Вѣры Латинскія и мниховъ 40 и Язовитъ пять. Житіе же ихъ и причины имѣя, раски аки чюги препоясаны, при грудяхъ [56] бархатъ зеленъ, и вишневъ, и лазоревъ и темносинь,

и всякихъ разныхъ суконъ амонати имѣаху около шеи малы зѣло до плецу, и шапки съ пухомъ, а въ рукахъ четки. Сице у миниховъ у Язовитъ. Онъ же лютый волкъ пріиде въ той Стодольскій монастырь и поверже съ себя Ангельскій образъ, и бысть ложный Латинскій мнихъ по причинамъ тѣхъ. Обычай же того Князя Александра и Князя Юрья Александровичевъ Свирскихъ на всякую недѣлю монастырь прекормить и братію удоволить. Въ тоже время той окаянный лютый змій испущаетъ свой лютый злодѣйственный ядъ и открываетъ потаенную злобу, сокрывшую сердца своего, и абіе нача изнемогати, и рече Игумену Пимену, мниху сущу, да повелитъ ему пріяти въ болѣзни духовнаго отца по Вѣрѣ своей Кафалическія. Игуменъ же Пименъ повелѣ ему пріяти отца по прошенію его; и пріиде къ нему его духовный отецъ, Грекъ сущій, именемъ Арсеній, и исповѣда его. Во исповѣданіи же своемъ рече ему сей треглавный и треокаянный волкъ, и не устыдѣся худости своей, не усрамися благочестиваго Царскаго корене пресвѣтлыхъ Великихъ Россійскихъ Московскихъ[57] Царей, дерзнувъ окаянный нарещися великаго и превысочайшаго корени и многовожделѣнныя вѣтви превозлюбленнаго плюща и непорочнаго агнца, Великаго Царевича Димитрія Ивановича всеа Россіи, Углицкаго Царевича Святаго и Праведнаго, возвася окаянный въ его Царское имя. Послушайте мене, отче Арсеніе! Аще изволитъ Богъ по душу мою послати, и по смерти же моей не скрый Бога ради, восписуй и на Великую Россію къ Московскому Государству о моей смерти, яко аще здѣ, въ Самборѣ градѣ, въ Стодольскомъ монастырѣ, смерть мя постигнетъ; азъ же, отче Арсеніе, Царскій сынъ Великаго Царя Ивана Васильевича всеа Россіи, имя же мое Димитрій Царевичь Углецкой. Избѣжалъ оттуду отъ злаго раба[58] и лютаго властолюбца, восхитившаго престолъ отца моего напрасно, и мене уморити хотѣлъ, но Богу соблюдающу мя. Ты же, отче Арсеніе, потщися быти другъ Небесному Царю, возвѣсти по смерти моей, дабы память сотворяли на Руси со отцемъ моимъ и братьею; а нынѣ не возвѣсти никому, дондеже азъ есть въ животѣ. Отецъ же его духовной, Арсеній, сія слышавъ и усумнися, яко тако Великій Царь обнища, аще истина есть, и шедъ повѣда того жъ монастыря Игумену, Пимену, мниху сущу, Вѣры же Латинскія, вся по ряду сказа, еже ему той окаянный возвѣсти; Игуменъ же Пименъ, сія слышавъ, и пріятъ сердцемъ своимъ, дондеже его Князя пріидутъ въ монастырь молитвы ради, да возвѣститъ имъ о семъ. Егда же въ день недѣльный пріидоша Князь Александръ и Князь Юрій Свирскій, и внидоша въ келію ко игумену Пимену благословенія ради, онъ же имъ вся по ряду возвѣсти, и отца его духовнаго, Арсенія, свидѣтеля постави, и потомъ поидоша по костельной молитвѣ на трапезу ясти, бѣ бо Панъ Александръ угости братію всю, и поставъ на трапезѣ предъ столомъ, витатися со всѣми мнихи; обычай же тамо, егда кто великій и навышній Панъ въ витаніи своемъ руку свою полагаше сверху, а мнихи же полагаху руку свои сысподи, да не подвигнутъ его на гнѣвъ. Той же треглавный левъ и пріиде, и витался съ Паны,

не восхотѣ руки своея положити сысподи, но сугубо руками витаяся съ Паны. И уразумѣвъ Князь Александръ, яко не проста роду есть сій, и учредивъ братію всю, и упокоивъ я добрѣ; по обѣдѣ же пріиду ко игумену въ келію оба Князя на прохладъ, и позва ту священнопцока Арсенія, Грека суща, и посади его за запонъ, и повелѣли возвати Князя сего, безстуднаго волка и новаго еретика. И воставъ Князя оба противу его, и витаяся, повелѣ ему сѣсти, и потомъ нача глаголати ему игуменъ: Брате и милый Пане! Повѣждь симъ нашимъ питателемъ и великимъ Санатыремъ его же Кралевскія тайныя Думы и нашему Бернадинству [59], како ты изъ земли Рускія преселися сѣмо, и како Царскій сынъ въ послѣднюю нищету уклонися, и како престола своего Царскаго лишися; свидѣтельствуетъ о тебѣ отецъ твой духовный, Арсеній. Такоже и Князи начаша его вопрошати о томъ; онъ же первіе нача ротитися и со отцемъ своимъ духовнымъ сваритися, и поносяя, и глаголя къ нему, яко не учитель, но губитель сутъ и тайнамъ объявитель.[60] Отецъ же его духовный паки нача предъ Игуменомъ и предъ Князи тоже глаголати; треокаянный же левъ сій лютый, прелукавый еретикъ, нача съ рыданіемъ повѣдати и дерзнувъ нарещися Царевичемъ Димитріемъ, и како избѣжа отъ руки Бориса Царя, все лукавымъ совѣтомъ, вся поряду изрече. Тогда же Князи послушаше его и отпустиша во свою келію; по отшествіи же его заповѣдавъ Князи во всю седмицу по Гречески поститися ему, въ день же недѣльный пріидутъ Князи и видать, аще истинна есть [61], и сія рекъ, поидоша Князи во имѣніе свое; и егда совершивъ *окаянный постъ*, въ день же недѣльный пріидоша Князи въ монастырь и повелѣли литоргисати въ Рустѣй [62] Церкви Святыя мученицы Екатерины священнику Арсенію, бѣ бо та церковь отъ монастыря поприще, слобода Руская. Что же сего страшнѣе и ужаснѣе паче же и лютѣйшее, сей безстудный и лютый волкъ како нарещися? Како въ то время земля его жива не пожре? Но о долготерпѣнію Твоему, Владыко, иже попусти злаго сего еретика грѣхъ ради нашихъ. Егдаже изнесоша изъ Царскихъ дверей живодательное тѣло и кровь Господа нашего Іисуса Христа и пріидоста оба Князя и близъ стаста [63] и сего волка призваша и вся мнихи монастыря того и Бернадинство и Язовиты [64] на смотрѣніе пріидоша; и егда причащаху его, и нача глаголати къ нему отецъ его духовной, Арсеній, и оба Князя, и игуменъ Пиминъ: Повѣждь намъ, брате и господине [65] предъ сею страшною и живодательною трапезою, истинный ли ты еси Царскій сынъ, или нѣсть? Онъ же съ клятвою изрекъ и крестнымъ знаменіемъ себе оградя и зря на Владычнъ образъ дерзостно, рече: На томъ пріимаю тѣло Господне и кровь, яко истинный есмь Царскій сынъ, Царевичъ Димитрій[66] имя мое. И сія рекъ, причастися окаянный безстудно; по совершеніи же Божественной [67] литоргіи, облечеся окаянный въ мірскія [68] ризы, по достоянію Царску. На трапезѣ же предъ нимъ по чину Царску предстояша оба Князя яко рабы и чрезъ день той веселяхуся и рыцарствоваху, и оттолѣ его поясна Князи съ великою

честію во градъ свой и въ малѣ времени промчеся [70] слава о немъ во всей Польской земли и въ окрестныхъ граничныхъ государствахъ. И дойде вѣсть на Великую Русь [71], къ Московскому Государству, къ Борису Царю, и тогда Царь Борисъ, дары великія въ Острозеполь посла ко Князю Констянтину Констянтиновичу Острожскому, къ воеводѣ Кіевському и прочія, дабы ему выдать тѣхъ мниховъ трехъ [72], Гришку Отрепьева, и Михаила Новадина, и старца Варлама. Князь Констянтинъ Констянтиновичь благовѣренъ зѣло и обѣщашеся отдати ихъ Борису Царю, и посылаетъ по двумнихов [73] во свой Благовѣщенской монастырь, идѣже у него родители лежать, разстояніе имѣя [74] отъ Острозеполя пять миль. И егда пріидоста два мниха, Мисаилъ и Варламъ и посылаемы бысть во градъ Самборъ, въ имѣніе Князя Михаила Ратомскаго и двухъ братовъ, Князя Александра и Князя Юрья Свирскихъ Пановъ, да проповѣдають, кто сей есть Царевичь Димитрей: Не сей ли мнихъ, иже отъ васъ бѣгу ся ятъ? Мисаилъ же и Варламъ дойдоша во градъ Самборъ; и гда входя ко Княземъ во дворъ, бѣ бо тамо просто зѣло, тогда оба Князя съ Гришкою Ростригою по обѣдѣ на дворѣ рыцарствоваху. И егда же возрѣ на нихъ Гришка Отрепьевъ, и позна ихъ, и звати ихъ нача по имяномъ во свѣтлицу [75] свою; Панове же вопрошающе его, что есть мнихи сія и почему бо знаешъ ихъ? Онъ же рече: Сіи мнихи съ Великія Россіи утекли; аще бы не облекся въ ризы черническія, то бѣ было невозможно отъ злаго властолюбца утекти, и меня бѣ, Царскаго сына, позорною смертію уморили. И возва дву мниховъ и рече: Знаете ли убо мене, иже съ вами съ Великія Россіи утекалъ [77]? Они же слабы суще и не утверждени, падше, поклонишася ему; онъ же довольно ихъ угости, и учреди, и повелѣ жити у себя; они же повѣдающи ему, како послани быша отъ Царя Бориса многіе дары ко Князю Костянтину Костянтиновичу, и како Князь Костянтинъ хотѣлъ ихъ посланникомъ Царя Бориса отдати, и како послани быша къ нему. Не по многихъ же днѣхъ Князь Александръ и Князь Юрій Александровичи отписаша объ немъ все поряду къ Августу Жигимонту Королю и ко всѣмъ Раднымъ паномъ, и абіе присылаетъ [78] Король дву Рускихъ Дворянъ, Осипа да Кирила Хрипуновыхъ, понеже они при Царѣ Борисѣ [79] измѣнили и отъѣхали въ Литву, а Димитрія Царевича на Угличѣ знали зѣло, а служили на Руси, съ Великаго Новагорода [80], да быша проведали объ немъ, аще истинна есть, и возвѣстили бъ Королю. Они же шедше въ Самборъ, и пріидоша, и поклонишася ему; онъ же обѣщася имъ дати много злата и сребра, и прельсти ихъ, и отпусти ихъ, къ Королю; они же шедше, и сказаша Королю про него, яко истинный Царскій сынъ; мы бо его знаемъ зѣло. Король же повелѣ ему быти въ Краковъ градъ столичный, и пріятъ его весело съ великою честію, и срѣтеніе сотвори ему, и постави его въ Краковѣ въ Арменской слободѣ, и повелѣ ему приходити своея Королевскія Думы разнымъ Паномъ, и повелѣ его примѣчати и узнавати въ разумѣ, и мудролюбіи, и въ книжномъ чтеніи [81] и во всѣхъ при-

чинахъ его. Самъ же Король въ размышленіе впаде, да не можетъ то быти правда, яко Царскій сынъ, а Іосифъ и Кирилъ глаголютъ его прямымъ ко всѣмъ; измѣнникъ [82] своему Государству не хощетъ добра. Не по многомъ времени пріидоша съ Москвы послы и принесоша много златыхъ къ Королю, яко да выдастъ сего еретика Борису Царю; и абіе Краль въ большое размышленіе впалъ: аще бы не истинный Царскій сынъ, не бы Царь Борисъ крѣпцѣ доступалъ и дары великія ко мнѣ и ко Князю Костантину объ немъ присылалъ, паче же и мои Радные Паны глаголютъ его смышлена и хитра зѣло. И повелѣ Августъ Король Жигимонтъ Польскій всѣмъ своимъ Арцыбискупомъ, и Бискупомъ, и Езувитамъ, и Бернадынамъ и всему духовенству [83], тако же Паномъ, и Гетманомъ, и Княземъ, и всѣмъ своей Кралевскія тайныя Рады [84] итти къ тому оканному злодѣю, и повелѣ имъ говорити, дабы оставилъ Греческую Христіанскую Вѣру и принялъ бы Римскую и Латынскую Вѣру; да аще тако сотворитъ и свою Христіанскую Вѣру [85] оставитъ, то прямой воръ, а не Царскій сынъ, но лестно повелѣ испытати его. Аще оставишъ, рече, Вѣру свою, то Краль хощетъ тя посадити на Царскомъ твоемъ отческомъ престолѣ высокія степени Царства Московскаго. И пріидоша къ нему все духовенство и Радные Паны Кралевскія Думы, сія вся къ нему изрекоша; онъ же поникъ и стоя на многъ часъ, и отверзе уста своя, яко же древній змій, и откры злодѣйственный свой ядъ: Послушайте убо мене, Панове Королевскія тайныя Думы и все духовенство, не съ мудрыми съ вами Краль сіе умыслилъ, но съ простцы и съ неразумными, Московскаго ради Царства велитъ мнѣ Вѣру Христіянскую оставить [86]. Почто Апостола Марка презрѣлъ еси, рекшаго во своемъ писаніи: аще весь міръ пріобрящетъ, а душу свою отщетитъ, что дастъ измѣну души своей; потомъ же много ему глаголющу и попирая ихъ во всѣхъ словесѣхъ, и удивлены быша все духовенство, и панство, и все Кралевское рыцарство словесы его. И еще треоканный сіе слово прирекъ: Аще Краль мене отдастъ Борису Царю, то Богъ судитель между мною и между имъ, аще не возритъ нынѣ въ мене, имамъ бо итти къ Цесарскому Кралю, или къ Персидскому Царю, и оттолѣ своему властолюбцу отмщеніе [87] сотворю. И сія вся слышавше отъ него, возвратишася вси къ Кралю и вся по ряду сказаша ему: Истинный и великій и найяснѣйшій Кралю! Прямый и премудрый [88] Царскій сынъ; аще бъ не прямый Царскій сынъ, не бы объ немъ Царь Борисъ толико взысканіе показа и его ради казну свою истощи. Сія же слыша и усумнися Краль, и учини день, дабы ему притти къ Кралю, и повелѣ Краль урядити вся полки, и Венгране, и желныри, и рыцарство, и Ляхи, и отъ своея Кралевскія полаты Гайдуки [89], и Нѣмцы по обѣимъ странамъ постави, даже и до Армейской слободы и до двора Гришки Ростриги, и повелѣ ему къ себѣ быти въ силѣ велицѣй, въ нарядѣ и въ ратной збруѣ, со многими своими Кралевскими людьми, съ Люторы, и Кальвинцы, и съ Поляки, и съ желныри. И егда вниде въ

Кралевскую полату, и воста Краль противъ его; одесную же Крала второе Царское мѣсто учинено, яко же есть лѣпо Царемъ, и поставиша его на высокое мѣсто противу Краля, и нача у него Краль вопрошати: Повѣждь ми, милый Пане, Царевичь Димитрей Московскій! Како отъ злыя сѣти избѣжалъ и како сѣмо пріиде, не скры отъ мене ни что же! Той же лютый волкъ изпусти свой злодѣйственный ядъ, отъ начала до конца прелесть свою со слезами Кралю изрече. Сія жъ слышавъ Польскій Краль, и бысть весь слезенъ и не возможе удержатися отъ слезъ, послушающе его прелести, и всѣхъ тако же Пановъ прелестными глаголы своими всѣхъ слезныхъ сотвори, и вся по ряду сказа, еже выше именовахомъ о немъ. И егда рѣчь свою соверши и словесы своими всѣхъ въ прелесть приведе, тогда Краль воставъ, взя его за руку, и облобыза его, и посади его на Царское мѣсто, еже уготовано одесную Краля, и много съ нимъ Краль бесѣдующе, и повелѣ ему быти съ собою за столомъ, и бысть пированіе [90] бранно его ради съ тимпаны, и органы, и музыки, и всякими хитростьми, яко всему граду отъ тоя потѣхи гремѣти отъ литаврскаго треску и отъ трубнаго звуку. По обѣдѣ же отпусти съ великою честію Краль, и пребысть въ Краковѣ у Краля время не мало, и слышавше Латинскаго языка [91] Папа Римскій извѣтъ отъ Короля Польскаго, что пріиде къ нему Россійскаго Государства Царевичь Димитрей Ивановичь, съ веселіемъ пріемлетъ грамоту его, и пишетъ Папа къ Королю чтити его великою честію. Папа жъ моли Короля, дабы утверждалъ его и поучалъ ересемъ лютымъ Латинскому закому [92], и бѣсовскому собранію, и звѣздочетію, и волхвованію, и всякимъ еретическимъ ученіямъ. И видѣвъ же себя честна темный и лукавый злоименитый еретикъ, Гришка Отрепьевъ, отъ Короля и отъ Папиныхъ поганыхъ посланниковъ, но и паче злымъ своимъ смысломъ возвысився [93], отъ Православныя Христіанскія Вѣры отвержеся конечно и обѣщается Королю Польскому, и Папѣ Латинскому, и Арцыбискупомъ, и Бискупомъ, и Кардиналомъ, и Капланомъ, и всему еретическому собору, что быти ему въ ихъ Люторской и въ Папежской ихъ еретической Вѣрѣ крѣпку и непоколебиму, и совѣтъ свой даетъ и рукописаніе, глаголя: Аще достигну прародительской престолъ Россійскаго Государства, приведу Патріарха и Митрополитовъ, и Архіепископовъ, и Епискуповъ, и и Архимандритовъ, Игуменовъ, и весь соборъ, и всѣхъ Православныхъ Христіанъ въ Римскую [94] Вѣру, и сотворю и совокуплю воедино всѣ три земли. И по посланію Короля Польскаго ко всѣмъ Паномъ, и Гетманомъ, и Воеводамъ земли Польскія и Литовскія, съѣхашася всѣ Панове на Раду въ Лашевъ градъ, и быша на сонмищи, и совѣтоваху, глаголюще, яко въ прежнихъ лѣтѣхъ слышахомъ, что Царевичь Димитрей убитъ на Угличѣ отъ Бориса Годунова, и нынѣ како объявися живъ, и совѣтующу Королю, дабы проповѣдали объ немъ достовѣрно. Онъ же лукавый и злый еретикъ, Гришка Отрепьевъ, многи словеса лживы сказуетъ, что есма [95] прямый Царевичь Димитрей Ивановичь. И въ то время, по дѣйству діаволю [96] прилучишася на сомнѣ томъ лживые [97] измѣники

изъ Россійскаго Государства, дѣти боярскіе, и разбойницы, и грабители, иже избѣгоша въ Литву, и тѣ на сонмѣ повѣдаша имъ по его еретическому наученію Гришкину, яко той есть прямый Царевичь Димитрей Ивановичь. И оттолѣ съ сонма взя его къ себѣ воевода Сендомирской, Юрья Мнишекъ, въ свою вотчину, въ Сендомиръ городъ, и бысть вѣдому его больше года, учася ересемъ Латинскимъ и Езовитской вѣрѣ, и волхванію, и звѣздочетію, и чаротворенію, и всѣмъ злымъ дѣломъ; и умышляетъ съ Юрьемъ со Мнишкомъ о кровопролитіи Православныхъ Христіанъ и о разореніи истинныя Православныя Вѣры, како привести на Латинскую ересь. И пребывающу ему у Юрья Мнишка въ Сендомирѣ, и возлюби у него Юрья дщерь Мариху, и восхотѣ понятию въ ложню, отецъ же радъ бысть вельми, и въ томъ межъ собою положиша обѣтъ и великое рукописаніе, то напередъ скажемъ, нынѣ же настоящее глаголемъ. Къ Папѣ Римскому посылаетъ, къ Королю и къ нему, Гришкѣ Отрепьеву, именуя его Царевичемъ Димитріемъ Ивановичемъ, и поучаетъ и утверждаетъ его на кровопролитіе Христіанское, и повелѣваетъ ему итти войскомъ на Россійское Государство. Онъ же злый еретикъ вельми тому радъ, и умышляетъ злыми своими умыслы съ Сендомирскимъ съ Юрьемъ со Мнишкомъ, понеже бо слышахомъ отъ нихъ, Литовскихъ людей, что Юрья Мнишекъ бывалъ въ Римѣ въ Латинскихъ мнисѣхъ и сверже съ себя мнишескій чинъ, и бысть бѣлецъ, и воеводою во своей вотчинѣ, яко же и Гришка, отвержеся, и быша оба Стриганове и еретицы, помраченніи бѣси, потому и прозванъ бысть Мнишекъ. И смысливше злыми своими совѣты, приходя въ Лашевъ къ Кралю, просятъ и молятъ у него людей воинскихъ и наряду итти войною на Россійскій Государство; Король же Литовскій преступаетъ крестное цѣлованіе и мирное постановленіе съ Россійскимъ Государствомъ, и дая ему многи люди Польскія, и Литовскія, и Ляховъ, и Угрянъ, и снарядъ [98] городовый съ ними посылаетъ; да къ тому же наймуетъ Юрій Мнишекъ многіе люди желнеры и Нѣмцы. И пойдоша въ Кіевъ со всею ратью, и посылаетъ передъ собою въ Сѣверные городы, въ Черниговъ и въ Путимль грамоты ко Княземъ, и къ Воеводамъ, и ко всѣмъ приказнымъ людемъ, и всѣмъ Христіаномъ Россійскаго Государства лживыя словесы и съ ласкою: Азъ есми Царевичь Димитрей Ивановичь всея Россіи, прироженный вашъ Государь; хотѣлъ меня Борисъ Годуновъ убити, и я отъ него укрылся и соблюдеся до сего времяни; а нынѣ иду къ вамъ на свою вотчину, на престолъ отца своего, и вы не мозите мнѣ противитись, а язъ васъ радъ жаловать, и беречи, и любити во всемъ. И по его прелестнымъ грамотамъ бысть мятежъ во всѣхъ Сѣверскихъ странахъ и въ городѣхъ, и смута въ служилыхъ людехъ, и въ черныхъ, и начаша многіе люди измѣняти. И пріиде подъ градъ Стриганъ [99], и сдаша ему граждане, и пріиде жъ подъ Черниговъ градъ, напередъ посылая лестныя грамоты къ чернымъ людемъ, и смутишася черные людіе, и перевезаша Воеводъ, Россійскихъ Князей, Князя Ивана Татева съ товарищи, и даша ему Черниговъ градъ, и Вое-

водъ приведоша къ нему на станъ связанныхъ; окаянный же еретикъ Гришка радъ бысть. И потомъ пойде къ Путимлю, и тако же посылаетъ къ Путимльцемъ лестныя грамоты съ великимъ уничиженіемъ. Слышавъ же въ Путимлѣ Князь Василей Мосальской, да Дьякъ Богданъ Сутуповъ съ черными людьми, приступиша крестное знаменіе и цѣлованіе, измѣниша, и перевязаша иныхъ Воеводъ, Михаила Салтыкова сътоварищи, и сдаша Путимль градъ еретику Гришкѣ Отрепьеву, и мняше его Царевичемъ быти Димитріемъ Ивановичемъ. И Путимляне со многими людьми пріидоша къ Новуграду; туто жъ сѣдоша Бояре Россійскаго Государства, Князь Никита Романовичъ Трубецкой, да Петръ Басмановъ, и сѣдоша въ городѣ крѣпко надежно девять недѣль и по милости Божіи спасенъ бысть градъ отъ безбожнаго еретика Гришки Отрепьева, и многіе ему пакости изъ града сотворша. И пріидоша на него Россійскіе Воеводы, Князь Ѳедоръ Ивановичь Мстиславской, да Князь Дмитрей Ивановичь Шуйской съ товарищи, со многими людьми, во 113 году, Декабря въ 10 день, въ пятницу [100], и сступишася обои люди, Россійскіе и Литовскіе, въ бой и велика сѣча бысть во весь день, и падоша вои со обою странъ, и раздѣли ихъ нощь, и разыдошася. И на томъ бою раненъ бысть Князь Ѳедоръ Ивановичь Мстиславской. И на третей день пойде отъ Новагорода прочь Гришка Рострига въ Семскій Острожекъ, а Юрья Мнишекъ пойде въ свою землю Польскую, со многими людьми, съ Поляки. Тогда пріиде съ Москвы полки Россійскіе, а съ ними Воевода Князь Василей Ивановичь Шуйской, и бысть радость велія въ полцѣхъ, и пойдоша на проклятаго еретика Гришку Отрепьева подъ Семскій Острожекъ, и не дошедше, сташа въ Добранечахъ [101] съ полки. И тогда пріидоша къ Гришкѣ Ростригѣ изъ Запороговъ на помощь многіе Литовскіе люди, и повѣдаша ихъ же Литва, что пріидоша тринадцать [102] тысячь Запорожанъ. Окаянный же еретикъ Гришка Отрепьевъ возрадовася радостію великою, и пойдоша съ нимъ скоро на Руское Государство, на Князей, и Бояръ, и Воеводъ, и на все Россійское воинство подъ Добраничи и сступиша обои вои [103], и бысть брань велія и сѣча зла, и поможе Богъ Православнымъ Христіяномъ надъ окаяннымъ еретикомъ Гришкою и надъ поганою Литвою, далъ Богъ побѣду, побили множество и сѣчаху ихъ на семь верстъ, и положиша трупъ ихъ много, проліяша кровь ихъ яко воду, и едва самъ Гришка утече; много множество ихъ погибоша, а иніи побѣгоша въ свою землю многими дорогами. И хотѣша его, Гришку, Запорожане убити, онъ же злый еретикъ свѣдавъ умышленія ихъ, убѣжа въ Путимль въ малѣй дружинѣ, и тамо пребывай. Бояре же и Воеводы Россійскіе пойдоша подъ грады, которые сдашася Гришкѣ Ростригѣ, подъ Рылескъ, и оттолѣ пойдоша подъ Кромы, и туто сѣдоша въ Кромахъ многіе Литовскіе люди и Козаки Польскіе, и Путимльцы, и Рыляне, и Чикореляне [104] Козаки съ товарищи; и стояху Бояре подъ Кромами многіе дни, и не возмогоша взяти. Проклятый же еретикъ Гришка изъ Путимля пишетъ лестныя грамоты къ Бояромъ, и Воеводамъ Россійскимъ, и ко всему воинству, гла-

голя, что, оставше главу, къ ногамъ бесѣдуете? Что отвергше мене, природнаго своего Государя, холопу работаете, Борису Годунову? И всѣхъ у васъ Борисъ Годуновъ отцовъ, и братій, и сродниковъ побилъ, и вотчины многія поималъ, и всѣхъ васъ оскорбилъ; а вы за него помираете, а меня, прироженнаго своего Государя, избѣгаете? И оттолѣ бысть въ полцѣхъ мятежъ великъ и смута веліа: овіи глаголаху, яко прямый есть Царевичь Димитрей Ивановичь, а иныи глаголаху, яко неистинный есть Царевичь Димитрей Ивановичь, но лъстецъ и воръ, Гришка Отрепьевъ Рострига, и быша въ полцѣхъ уныніе и нерадѣніе о взятіи города Кромъ. Борисъ же Годуновъ повелѣ Бояромъ быти къ Москвѣ, Князю Өедору Ивановичу Мстиславскому, да Князю Василью, да Князю Дмитрію Ивановичемъ Шуйскимъ. И въ то время на Москвѣ преставися Царь Борисъ Өедоровичь Годуновъ въ 113 году, Апрѣля въ 13 день, въ суботу вторую во Пасцѣ, канунъ Святыхъ женъ Мироносицъ, и царствоваше шесть лѣтъ и полъ осма мѣсяца. И остави царство сыну своему, Өедору Борисовичу, и вѣнчанъ бысть на Россійское Государство отъ Патріарха Іова и всего освященнаго [105] собору. И послаша съ Москвы въ полки подъ городъ Кромы приводити къ крестному цѣлованію Воеводъ и все воинство Россійское, Петра Басманова; и слава [106] въ полцѣхъ, что на Москвѣ Царя Бориса не стало, а сынъ его остася младъ; и смятошася вельми и восколебашася воины, и не цѣловаша многіе креста, и бысть распря веліа между собою [107]. И во 113 году, Маія въ 9 день, восклинуша въ полцѣхъ воинскіе люди Рязанцы, яко Царь намъ [108] Дмитрей Ивановичь истинный и прямый, и тому служимъ, и предашася съ ними Бояре и Воеводы, Князь Василей Голицынъ, да братъ его, Князь Иванъ [109], да Петръ Басмановъ, да Михайло Салтыковъ, и съ ними рать, и взяша Воеводу Ивана Годунова, и поведоша его въ Путимль къ Ростригѣ, а иные Воеводы побѣгоша къ Москвѣ, и съ ними многіе ратные люди. И прибѣгоша, и сказаша, что Бояре Московскіе и Воеводы, Князь Михайло Катыревъ [111], да Князь Адрей Телятевской, и съ ними многіе люди, и все воинство, предашася; и бысть мятежъ во всѣхъ людехъ. Иніи глаголаху, что прямый Царевичь Димитрей Ивановичь, а овіи глаголаху, что непрямый Царевичь Димитрей Ивановичь, то есть воръ, Гришка Отрепьевъ Ростригa; но великою скорбію одержими бяше Православные Христіане царствующаго града Москвы, что предашася Бояре и Воеводы, и вся рать, и отъидоша къ нему, Ростригѣ, Воеводы, и рать въ Путимль, чающе его яко прямаго Царевича и истиннаго Дмитрія Ивановича. Восріемшу ему честь, и пойдоша съ нимъ къ Россійскому Государству, къ Москвѣ, наричающе его на прародительскую отчину, и не дошедше города Кромъ, сташа у града Орла, на рѣцѣ на Плавѣ, и отпущаетъ посланниковъ своихъ къ царствующему граду Москвѣ съ грамоты прелестными, и съ ласкою, и съ угрозами, къ Бояромъ и Воеводамъ, къ Окольничимъ, и Стольникомъ, и Дворяномъ, и Чашникомъ, и ко всему Царскому чину и къ Приказнымъ людемъ, и къ гостемъ, и къ торговымъ людемъ, и ко всѣмъ черпымъ людемъ, Га-

врила Григорьева [111] сына Пушкина, да Ивана Наумова сына Плещеева, объявляетъ себя яко истиннаго Царевича Димитрія Ивановича, обѣщается въ грамотахъ Бояръ, и Воеводъ, и Дворянъ, и всякихъ людей жаловать, а нареченнаго Царя, Ѳеодора Борисовича, и матерь его, повелѣваетъ изымати и посадити до своего указу въ крѣпость. Повелѣваетъ же имъ, пріѣхавъ къ Москвѣ втай, въ Красное [112] село, и тутъ поняти съ собою черныхъ людей и пойти въ городъ на лобное мѣсто. Ови [113] же посланцы повелѣнное сотвориша, и пріидоша на Москву въ суботу первыя недѣли Петрова поста, въ 9 день [114], на лобное мѣсто, сташа, и снидеся къ нимъ народъ многъ, и вызваша изъ града Бояръ, Князя Ивана Михайловича Воротынскаго, да Богдана Яковлевича Бѣльскаго, и иныхъ многихъ, и начаша грамоты чести велегласно [115], и услышавше всѣ людіе прелестныя грамоты, смутишася, и возопиша всѣ великимъ гласомъ: Да будетъ здравъ Царь нашъ Дмитрей Ивановичъ! И пойдоша съ лобнаго мѣста Бояре во градъ и весь народъ, и поймаша Борисова сына, Царя Ѳеодора Борисовича, и матерь его, Царицу Марію, въ Царскихъ полатѣхъ, и всѣхъ Гоновыхъ, а иныхъ взяша на дворѣхъ, и обратишася изъ града, и разграбиша дворы Боярскіе многіе, и Годуновыхъ, и Сабуровыхъ, и Вельяминовыхъ, и Дьячьи, и Дохтурскіе, и много зла сотворилося въ царствующемъ градѣ Москвѣ. И въ третій день послѣ того пойдоша съ Москвы къ нему, Гришкѣ Отрепьеву, чающе его прямымъ Царевичемъ Дмитріемъ Ивановичемъ, Великіе Бояре, и Власти, и Окольничіе, и Дворяне, и Дьяки Большіе, и гости, и служилые люди, и торговые, и всякихъ чиновъ люди на Тулу, и поклонишася ему, чающе его истиннаго Царевича Димитрія Ивановича. И радостенъ бысть злый еретикъ, Гришка, о приходѣ Великихъ Бояръ и Властей, и оттолѣ посылаетъ къ Москвѣ Боярина Князя Василья Васильевича *Голицына*, да любимаго своего Князя, Василья Мосальскаго, да дьяка Богдана Насупова [116], со многими служивыми людьми и съ Казаки, и повелѣваетъ имъ на Москвѣ убити нареченнаго Царя Ѳеодора Борисовича, и матерь его, Марію, а Годуновыхъ всѣхъ разослати по тюрьмамъ. И пріиде Князь Василей на Москву со многими людьми воинскими, и убіенъ бысть нареченный Царь Ѳеодоръ Борисовичь, и съ матерію своею во 113 году, *Іюня* въ 19 день, въ четвертокъ, на старомъ своемъ дворѣ на Борисовскомъ, палачи удавиша по повелѣнію Князя Василья Голицына съ товарищи, положиша ихъ въ монастырѣ въ Варсунофьевскомъ, на Срѣтинской улицѣ [117], а Царь Борисъ Годуновъ положенъ бысть съ древними Цари въ соборѣ Архангела [118] Михаила, и оттолѣ выняша и положиша его тутъ же, въ монастырѣ въ Варсунофьевскомъ. И взыскася кровь неповиннаго Благочестиваго Царевича Димитрія Ивановича Углицкаго и многихъ великихъ Бояръ и Воеводъ, напрасно отъ Бориса Годунова побитыхъ и разореныхъ, надъ Борисовымъ сыномъ, и надъ женою его, и надъ всѣми Годуновыми. И разосланы быша Годуновы всѣ по тюрьмамъ. И тогда же быша на Тулѣ Бояре, и ту опознаша его, Гришку Ростригу, два боярина, Князь Василей да Князь Дмитрей Шуйскіе, и не воз-

могаша его обличити многаго народа ради, что предашася ему вси [119] Вельможи, и Власти, и весь народъ, и величаху его яко истиннаго Царя Россійскаго, и оттолѣ же не може [120] никто словеси провѣщати о немъ [121], Ростригѣ. И пойде злонравный еретикъ съ Тулы къ царствующему граду Москвѣ, и напередъ себя послалъ гонца, и повелѣ Святѣйшаго Патріарха Іова Московскаго и всея Россіи, отъ Соборныя и Апостольскія церкви честнаго и славнаго Успенія Пресвятыя Богородицы отставити и сослати его во градъ Старицу, въ монастырь. Посланни [122] тако сотвориша; повелѣ [123] же онъ еретикъ на Святительскій престолъ Россійскаго Государства на Патріаршество нарещи призвати съ Рязани Епископа Игнатія Греченина, угодника своего и возлюбленника, не пастыря и не учителя во святѣй Соборнѣй Апостольской церкви Пресвятыя Богородицы, но піяницу и сквернословника, по волѣ своей еретической самъ избираетъ. И пріиде на Москву во 113 году, мѣсяца іюня въ 20 день, и встрѣтоша его царствующаго града Москвы на полѣ со многими дары [124] гости большіе и торговые лучшіе люди, всѣ Православные Христіане, Московскіе граждане, со златыми кубцы, и съ блюдами, и отласы [125] золотыми и бархаты; онъ же звѣрообразный еретикъ восхищати повелѣ себѣ; и встрѣтоша его въ царствующемъ градѣ Москвѣ вси Власти Россійскаго Государства, Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы, и весь Священный Соборъ съ животоносными кресты и иконами на Лобномъ мѣстѣ. Онъ же оканный еретикъ противъ животоносныхъ крестовъ и чюдотворныхъ иконъ и всего Освященнаго Собора съ коня не сниде, и повелѣ предъ собою итти Ляхомъ и Литвѣ и играти въ сурны, и трубы, и политавры и по набатомъ бити по ихъ еретическому обычаю, и войде оканный злый еретикъ [126] въ Соборную и Апостольскую церковь Пречистыя Богородицы, и съ собою введе многихъ еретиковъ Ляховъ, и Угрянъ, и Латынь, и въ церкви Божіей стояще поганіи еретицы, яко искони себѣ непріяла соборная церковь, ниже слышно бысть въ царствующемъ градѣ Москвѣ; посемъ вниде въ Царскія полаты и пребывая въ нихъ. По малѣ жъ времени благородные и благочестивые [127] Князи, Православію поборницы, правители и радители истинныя Христіанскія Вѣры, Князь Василей съ братомъ своимъ съ Князь Димитріемъ Шуйскіе, познаша его еретика Гришку, и повѣдаша торговымъ людемъ, Ѳеодору Коневу съ товарищи, что непрямый Царевичь Димитрей Ивановичь, но злой врагъ Христіанскій, еретикъ и воръ, Гришка Отрепьевъ, присланный [128] отъ Литовскаго Короля разорити Вѣру Христіанскую, да проповѣдуетъ тайно въ въ мирѣ, дабы стояли Христіане въ Православной Христіанстѣй Вѣрѣ кротко, а еретика познали. И они же торговые люди повѣдаша безъ разсужденія многимъ, и услышано бысть совѣтнику Ростригину, Петру Басманову, и повѣдаетъ Ростригѣ; онъ же злонравный еретикъ Гришка, повелѣ благочестиваго [129] Князя Василья Ивановича Шуйскаго взяти въ крѣпость за пристава, и умысливъ съ своими совѣтники [130] и угодники, повелѣваетъ Князя Василія Петру Басманову казни-

ти [131] посредѣ народа; и приведенъ бысть на площадь въ великую среду царствующаго града Москвы; повелѣно же бысть многимъ воиномъ и стрѣльцомъ предстояти со оружіемъ, и сотвориша просто мѣсто и велико, а воини и стрѣльцы стали вкругъ въ стѣну. И ту введоша благочестиваго [132] Князя Василія Шуйскаго на посѣченіе отъ злаго еретика; народи же Христіанскіе, видѣвше сіе, уныли и восплакашася вси горько; онъ же благочестивый [133] Князь, Василей Шуйскій, воздѣвъ руцѣ на небо, и возопи велінмъ гласомъ: Боже вседержителю и всевидче, за истинную Вѣру Христіанскую кровь свою проливаю отъ врага Христіанскаго и еретика не по коей [134] винѣ; и возопи крѣпко ко всему народу: За правду умираю и за Христіанскую Вѣру, и за васъ, всѣхъ Христіанъ. Тогда восплакася весь народъ царствующаго града Москвы плачемъ велінмъ и рыданіемъ, но помощи не возмогоша дати ему ни которыя, понеже мнози воины дружатъ еретику, Гришкѣ Ростригѣ, и не смѣяху никто же слова пророщи. И милостію Божіею, Вседержителя и всещедраго Владыки, смирилъ сердце у злодѣя гордаго еретика, Гришки Отрепьева и Ростриги, и присла [135] посланника своего, не велѣ его казнити, повелѣ же ихъ розвести [136] по городомъ въ темницы [137], а имѣнія ихъ и дворы повелѣ на себя взяти [138]. Егда же разосла ихъ, благочестивыхъ Князей Шуйскихъ, въ заточеніе, и умышляетъ съ совѣтники своими и угодники, по прежде реченному обѣту своему съ Королемъ Литовскимъ и съ Папою Римскимъ, что ему врагу превратити Вѣру Христіанскую въ *Латинскую* [139] ересь и поставить на патріаршество Игнатія Греченина, мужа глупа, и пьяницу, и пакостника [140] иныхъ Властей, иже Митрополитовъ, и Архіепископовъ, и Епископовъ оскорби, и весь Освященный Соборъ постави ни во что же. И Ляхомъ повелѣ по церквамъ, и монастыремъ, и по святымъ мѣстамъ ходити и безобразно наругатись, и по семъ воспріа Царскій вѣнецъ и скипетръ Россійскаго Государства, и вѣнчанъ бысть Царемъ, возлюбленнымъ своимъ Игнатіемъ, названнымъ Іерархомъ, наемникомъ, а не пастыремъ [141], Іюля въ 8 день. Потомъ же по малѣ времени повелѣваетъ изъ опалы и заточенія взяти къ Москвѣ благочестивыхъ, выше реченныхъ Бояръ, Князя Василія съ братьею Шуйскихъ, и повелѣ имъ быти у себя въ Боярѣхъ по прежнему. И тогожъ году 114, предъ Рождествомъ Христовымъ, уразумѣша многіе люди Бояре и Дворяне, что непрямый Царевичь, Димитрей Ивановичь, но воръ Гришка Отрепьевъ Рострига, и познаша его и восхотѣша его убити; и дойде вѣсть ему, Ростригѣ, о семъ, и поимали многихъ Бояръ и Дворянъ Царскихъ, и служилыхъ людей, и всякихъ разныхъ чиновъ, и повелѣ многими пытками пытати, и много бысть кровопролитія. Въ то же время пріидоше къ нему, Ростригѣ, посолъ отъ Римскаго Папы; писа же къ нему *Папа*, чтобъ ему быть крѣпку и непоколебиму въ ихъ *Латинской* [142] вѣрѣ, и привести Православныхъ Христіанъ въ *Латинскую* [143] Вѣру, и устроити бъ ему во Святыхъ церквахъ костелы и ропоты (?) по ихъ Римскому закону. И послы Римскіе говорили съ Ростригою самъ на самъ, а толмачемъ Рострига бы-

ти не велѣлъ, потому чтобъ Бояре ближніе, и торговые, и всякіе люди, никто про то не вѣдали [144]. И [145] говорилъ Рострига Папинымъ посломъ, что, де, у меня подъ мою руку подведены Патріархъ, и Митрополитъ, и Архіепископы, и Епископы, и Бояре, всѣ меня слушаютъ, и весь міръ что велю я, то дѣлаетъ, или кого велю убить, тотчасъ скоро убіютъ. И даритъ Папиныхъ пословъ вельми великими дары, и отпустилъ ихъ; самъ же окаянный еретикъ, Гришка Рострига Отрепьевъ, нача смущати въ Вѣрѣ Христіянской, и повелѣ Ляхомъ и Литвѣ честные кресты носить на поясахъ и ниже пояса у колѣна, и ругатися Христіаномъ, и во Святыя Божія церкви входяще Ляхове и Римляне [146] Святымъ иконамъ ругающеся, и ко гробомъ Святыхъ Чюдотворцовъ прихождаху и опирахуся безчестнѣ, поругаяся всѣмъ Православнымъ Христіаномъ, и по улицамъ и по рядамъ ходяще сѣчаху, и убиваху, и грабляху [147], и изъ самопаловъ стрѣляху, и бысть въ Христіанѣхъ скорбь и страхъ великій во градѣ Москвѣ [148]. Изліявъ кровь Христіанскую [149] по вся дни, пріѣзжаху въ Москву [150] Поляки, и Ляхове, и Римляне, и скорбляху зѣло Христіане [151]. Во единъ же день нѣкогда повелѣ убити [152] Рострига на дворцѣ семи человѣкъ стрѣльцовъ [153], что его узнали, что онъ воръ Рострига, и въ Латинскую вѣру не хотяше [154]; и поиманныхъ многихъ Христіанъ повелѣ побивати и.... [155] измѣняя и по вся нощи, проливая кровь Христіанскую. Времяни мало минувшу, той воръ Гришка Отрепьевъ умыслилъ съ своими совѣтники, и съ Ляхи, и съ Литвою, по прежнему ихъ совѣту, посылаетъ въ Литву [156] къ Королю Польскому пословъ [157], казначея своего любимаго, Афанасья, Иванова сына [158], Власьева, съ товарищи [159], и извѣщаетъ [160] ему о царствіи своемъ еретическомъ, и еще моля у него, Короля, по прежде реченному ихъ слову и по договору [161], чтобъ прислалъ къ нему и выдалъ за него Люторку [162] Мариху, Юрьеву дочь, Мнишкову, Сендомирскаго воеводы [163], для того, что обрѣлъ Рострига въ Литвѣ въ дому Пана Юрья, и гостилъ у него, и сговорилъ съ нимъ, что женитися ему на дочери его, Паннѣ Маринѣ, и о томъ онъ ему бьетъ челомъ, чтобъ то дѣло было, которое было между ими, было бы ему, Кралю, вѣдомо и повелѣлъ бы имъ то учинить невозбранно [164]. Посла же [165] съ посломъ многіе великіе дары, злата, и сребра, и соболей дорогихъ много множество, да и къ Сендомирскому воеводѣ, Юрью Мнишку, къ тестю своему, о томъ пишетъ и посылаетъ дары великіе, и дочери его, прежереченной Маринѣ, къ невѣстѣ своей, писалъ и дары великіе послалъ на подъемъ, для таковаго дальнаго проѣзду, и къ наряду клейнотовъ, и сребра, и бархатовъ златыхъ многое множество, посла же, чтобъ онъ, воевода Сендомирской, тесть его, ѣхалъ къ Москвѣ и съ дочерью своею, Панною Мариною. Егда же посолъ Афанасій Власьевъ пріиде къ Королю въ Литву [166], пребысть въ Литвѣ многіе [167] дни держимъ; онъ же еретикъ Гришка многіе гонцы посылая въ Литву [168] и дары, прося тое обрученицу свою за себя. И тако по велѣнію Королевскому въ Литвѣ и по Папину благо

словенію обручаше ему прежде реченную Люторку Марину, по ихъ Люторскому обычаю, въ костелѣ съ посломъ, съ Афанасьемъ Власьевымъ, и въ Ростригино мѣсто Гришкино [169]. И пріиде изъ Литвы о томъ вѣдомость, и начатъ окаянный еретикъ Гришка глаголати Властемъ своимъ, и Бояромъ, и всѣмъ своимъ ближнимъ людемъ: Повѣдаю вамъ, что идетъ ко мнѣ изъ Литвы Великій Воевода Сендомирской, Юрій Мнишекъ, а съ нимъ идетъ посолъ Королевской, и ведетъ мнѣ супругу, свою дщерь, что есмь я сговорилъ у него поняти за себя, какъ язъ былъ въ Литвѣ, и на словѣ съ нимъ положилъ; и вы, Власти, благословите мя женитися и вѣнчати въ Соборной церкви, не крестя, и костелъ Римскому закону устроити, и капланъ поставити по нашему Царскому возлюбленію [170]. Патріархъ же Игнатій, совѣтникъ Ростригинъ, благословляетъ его, глаголя: На твоей воли буди. Оніи Власти молчаху и не смѣяху глаголати противу, понеже бо многихъ побиваетъ. Великій же Преосвященный [171] Митрополитъ Гермогенъ Казанскій и Свіяжскій [172], и Коломенскій Епископъ Іосифъ, Православію поборницы и истинные пастыри и учителіе, Святымъ Духомъ отвѣщаша ему наставляемы [173]: Христіанскому Царю не достоитъ поимати некрещенную и во Святую церковь вводити, и костелы Римскіе и ропоты строити. Не буди, Царю, тако сотворити, ни которые бо прежніе Цари тако не творили, а ты хощеши тако сотворити. Онъ же окаянный Рострига, возъярився великою яростію и гнѣвомъ великимъ, повелѣ [174] Митрополита Гермогена сослати въ Казань, и тамо [175] повелѣвая съ него санъ Святительскій сняти и въ монастырь заточити, но милостію Божіею сохраненъ бысть до умертвія Ростригина; а Іосифа, Епископа Коломенскаго, послѣди же хотѣлъ сослать въ заточеніе, и отъ вельможъ добраго Православія поборника, Михаила Игнатьевича Татищева, послать на Вятку, а имѣніе его повелѣ [176] на себя взяти. И по семъ возгордѣвся вельми, и, превозносящеся гордынею и убійствомъ, посылаетъ послы своя во многія Орды бусурманскія не о смиреніи, но о раздорѣ, не любви, но о кровопролитіи [177], и въ грамотахъ своихъ пишетъ сіе: Яснѣйшій, Пресвѣтлый и Непобѣдимый Царь Дмитрей Ивановичь всея Россіи, Обитатель Восточныхъ странъ и вашихъ бусурманскихъ государствъ. Окольные же Царіе, слышавше грамоты, начаша подыматися на Русь съ яростію. Того жъ [178] лѣта Маія въ 2 день въ Московское Государство пришедъ изъ Литвы и съ Польши Сендомирской воевода и староста Санборской, въ нарядѣ и ратной збруѣ, со многими людьми разныхъ земель, и съ Люторы, и Калвинцы, и съ Поляки, и съ желныры, и дочь свою, Панну Маринку, съ собою привезъ. Тойже Гришка Отрепьевъ Рострига тестю своему, Юрью Мнишку, и дочери его, Паннѣ Маринкѣ, а своей прежде реченной женѣ, воздалъ честь великую, и велѣлъ Бояромъ, и Окольничимъ, и Думнымъ людемъ, и Дворяномъ Большимъ, и Стольникомъ, и Чашникомъ, и Стряпчимъ, и Дьякомъ, и Дворяномъ изъ городовъ, и Подьячимъ, и Дѣтемъ Боярскимъ и всякихъ чиновъ людемъ Московскаго Государства, встрѣчати урядясь, на аргамакахъ и на конѣхъ

избранныхъ, и въ чепахъ златыхъ и серебряныхъ въ гремачихъ, и въ чистомъ и въ цвѣтномъ платвѣ и въ саженьѣ, и во всякомъ нарядѣ конномъ, и пѣшимъ отъ Москвы за 15 верстъ и больши; а гостемъ, и посадскимъ людемъ, и всему народу Московскаго Государства велѣлъ встрѣтити за городомъ, за посадомъ, съ хлѣбомъ и съ солью. А какъ Панъ Юрій съ своею дочерью, съ Панною Маринкою, въѣхали въ Китай Городъ въ Никольскіе ворота, и Ростригѣ Гришкѣ бысть радость велія; велѣлъ въ тѣ поры по накрамъ (?) и по литаврамъ бити, и въ трубы трубити въ разные, и въ сурны играти во многія. И ѣхалъ Сендомирской съ Панною съ Маринкою площадью гораздо тихо, а въ тѣ поры, для прелести, игра была многая немѣрная до тѣхъ мѣстъ, какъ вошли въ Кремль Городъ, а на Фроловскихъ воротѣхъ по тому жъ была игра въ музыки, а поставлены были подъ накры и подъ сурначе многія трубы, отъ Никольскихъ воротъ ко Фроловскимъ воротамъ, подлѣ церквей. А у Сендомирскаго воеводы, у Юрья Мнишка, и у дочери его, Панны Маринки, въ полку Литовскіе люди, и Поляки, и Люторы, и иные многіе, тако жъ играли ѣдучи, били по накрамъ и по литаврамъ, и въ трубы, и въ свирѣли, и въ Венгерскія дуды, и въ рожки, и въ иныя многія игры Литовскаго и Польскаго обычая играли [179]. И егда вниде въ Россійское Государство, въ царствующій градъ Москву, изъ Литвы Сендомирской Воевода, Юрья Мнишекъ, и приведе дочь свою, Люторку Панну Маринку[180], а съ нимъ пріидоша изъ Литвы многіе Воеводы, и Гетманы, и Старосты съ Каштеляны [181], и Рохмистры съ ротами, и множество Ляховъ и Литвы [182] съ женами и съ дѣтьми. И повелѣ имъ давати Рострига кормы великіе, а идучи изъ Литвы пустошилъ грабленіемъ и всякимъ насильствомъ дорогу Смоленскую. И пріиде подъ Царствующій градъ Москву на Свѣтлой [183] недѣли въ четвергъ, а съ ними пріиде посолъ о великомъ градѣ Смоленскѣ и о Сѣверскихъ городѣхъ, что ихъ Рострига отсулилъ[184], будучи въ Литвѣ, что хочетъ тѣхъ градовъ отдать ему, Королю, въ то время, какъ будетъ на Московскомъ Государствѣ [185]. А на Москву пришедъ [186] повелѣ и Литву и Ляховъ ставити по большимъ Боярскимъ, и по Княжескимъ дворамъ, и по подьячимъ, и по Владычнымъ, и гостинымъ и торговыхъ людей, по большимъ, и по добрымъ, и по богатымъ дворамъ. И бысть мятежъ великой, и крикъ и вопль многъ, и изъ дворовъ добрыхъ [187] людей метаху и выбиваху насильно, на дворѣхъ же имаху всякіе запасы, и грабляху до конца, и насиліе бысть великое всѣмъ добрымъ людемъ [188].

[189] По Велицѣ же дни, на четвертой недѣли, въ четвертокъ, Маія въ 8 день, на праздникъ Святаго Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, противъ праздника Великаго Святителя и Чюдотворца Николая, женися злый еретикъ, Гришка Отрепьевъ [190], понялъ Люторскія вѣры дѣвицу [191], Юрьеву дочь Сендомирскаго, Мариху [192], а по Руски Марину [193], и вѣнчася [194] съ нею въ Соборной церкви Успенія Пресвятыя Богородицы съ некрещенною въ Православную Вѣру; вѣнча же его возлюбленникъ его и единомысленникъ, Игнатій, названной Патріархъ Московской, ро-

домъ Цереградецъ, Греченинъ, что былъ на Рязани. И внидоша за нею многіе Литовскіе люди во Святую церковь, Ляхи, и Люторы, и Калвинцы, и иныхъ многихъ вѣръ люди, и Римскаго закону Панове въ саблѣхъ, и въ магиркахъ, какъ кто ходитъ по своей Вѣрѣ, и жены ихъ, и Божіимъ образомъ ругалися, и прикладываючися цѣловали во уста, и безчинствоваху во Святѣй церкви. Сами Ляхове у Святыхъ образовъ преклоняхуся, и спали, а иные и лежали во время Святаго пѣнія, а жены ихъ безчинствоваху мочью въ церкви; не бѣ бы зрѣти скверно и смрадно отъ поганыхъ беззаконниковъ по его еретическому Ростригину наученію[195]. Да на его жъ беззаконной свадьбѣ, для поруганія Святымъ Божіимъ церквамъ, по три дни игра всякая была, и по накрамъ били на площади, на струбахъ, что поставлены были по его Ростригину велѣнію для той игры съ трубы, отъ Соборныя церкви и до Архангела, противъ самыхъ церковныхъ дверей и образа Пречистыя Богородицы, что въ кіотѣ надъ дверьми, и крикъ, и вопль, и всякой безмѣрной неподобной говоръ, и игра на папертѣхъ и около церкви была многая. И паки проѣзжали и сажалися съ коней на самой паперти у Соборнаго храму. Да для оскверненія Православныхъ Христіанъ, по его Растригину велѣнью, на его свадьбѣ, на другой день, въ пятницу, ѣли еству мясную, телята нарядныя и иныя разныя яди Литовскаго и Польскаго Люторскаго обычая и Вѣры, а приспѣшники [196] всякіе были Литовскіе же [197].

О велико Божіе милосердіе и долготерпѣніе! Како тогда не сниде огнь съ небеси и не пожже того сквернующаго и безчествующаго [198] во Святѣй Божіей церкви, во время Святаго пѣнія! Что [199] не восплачемъ и что не возрыдаемъ всѣ Православные Христіяня о таковомъ и великомъ нашествіи поганыхъ на Святыя Божія церкви и на все Православное Христіанство? И многіе люди, вѣдуще сія, плакахуся тайно. И совершивъ свою пагубную свадьбу окаянный еретикъ Гришка, совѣтъ составляетъ со единомышленники своими, съ Литовскими Воеводы, и Старосты, и Гетманы, и Рохмистры, и съ Дворяны съ Королевскими, и со всѣми Поляки, и съ Ляхи, и съ Угряне, о разореніи Святыхъ Божіихъ церквей и о потребленіи Православныхъ Христіанъ, и о убіеніи Православныхъ Россійскихъ Бояръ и Великихъ Воеводъ, и о иманіи, и вязаніи Бояръ же и Воеводъ, и гостей, и о побіеніи всѣхъ Православныхъ Христіанъ Царствующаго града Москвы, которые не учнутъ въ Латинскую Вѣру присягати. И уложивъ злый еретикъ, Гришка Отрепьевъ, совѣтъ свой, и росписати повелѣ, которому Литовскому Воеводѣ убити котораго Боярина, какъ будетъ выѣздъ за городъ, на потѣху, за Срѣтенскіе ворота, и изъ наряду стрѣляти, и въ тѣ поры Рострига повелѣ убити Князя Ѳеодора [200] Ивановича Мстиславскаго Михаилу Рожанскому [201], Князя Василія Шуйскаго Князю Константину Вишневецкому, Князя Ивана Шуйскаго Пану Скляцкому, Князя Василья Ивановича съ братьею Паномъ Буерскимъ, да Ротмистру Доморацкому, а всѣхъ Бояръ двадцать человѣкъ большихъ людей, а иныхъ Бояръ перевязавъ свести велѣлъ

въ Польшу къ Королю, и Дворянъ, и Дьяковъ, и гостей, и лучшихъ людей.

Во 114 году, по Велицѣ дни на пятой [202] недѣли въ среду, повелѣ окаянный еретикъ, Гришка Отрепьевъ, снарядъ самой большой, опричь Царя пушки, и середней полковой, и городовой, волочить за деревянной городъ, за Срѣтенскіе ворота, на конецъ самыхъ Красныхъ слободъ, съ лѣвые стороны, а вмѣщая таково слово быти [203] для потѣхи, а Паномъ, и Полякомъ, и Литвѣ, всѣмъ повелѣ быти готовымъ со оружіемъ, въ доспѣсѣхъ и съ самопалы, и съ копьи, пѣшимъ же и коннымъ Властѣмъ, и въ шеломѣхъ, и въ шишакахъ [204]. И стояли всѣ Литовскіе люди по Ростригину велѣнью готовы три дни и три нощи, по дворамъ стрѣляху безпрестанно нощію, и по три нощи бысть шумъ, и крикъ великъ, и стрѣльба; днемъ же хождаху по рядомъ и по улицамъ со оружіемъ и съ самопалы, и стрѣляху въ Христіянъ, и грабляху, и біяху, и жены, и дщери сильно у мужей отнимаху, и насиліе зло творяху. И по Велицѣ жъ дни пятые [205] недѣли, въ воскресенье, была стрѣльба за городомъ послѣ обѣда, а стрѣляли Ляхи изо всего наряда по статьямъ, какъ которой нарядъ на сволокахъ къ стрѣльбѣ изготовленъ, а стрѣляли по струбахъ, а струбъ былъ насыпанъ землею, да изъ верховыхъ, и изъ огненныхъ пушекъ, и изъ ручныхъ пищалей; и у стрѣльцовъ, которые были на той потѣхѣ за Ростригою, стрѣльба жъ была; и отъ злаго умышленія Ростригина на той стрѣльбѣ Православныхъ Христіанъ, которые стрѣльбы смотрѣли, Богъ сохранилъ, а иные многіе люди изъ служивыхъ на той стрѣльбѣ за городомъ не были, и послѣ той стрѣльбы нарядъ весь стоялъ за городомъже на готовѣ къ стрѣльбѣ же. И увѣдаша же Московскаго Государства Бояре совѣтъ и умышленіе злаго еретика на Христіанскую Вѣру, и на нихъ Бояръ, и на все Православное Христіанство, и возопиша ко Господу Богу въ молитвахъ, и оскорбѣшася о Христіанствѣ, и начаша межъ себя совѣтовати втайнѣ, какъ отъ врага отъ еретика избыти. И присовокупиша себѣ православныя Вѣры воиновъ избранныхъ, Царскихъ Дворянъ и служилыхъ людей изо многихъ розныхъ городовъ, а паче всѣхъ Бояръ радѣніе за Православную Христіанскую Вѣру и промыслъ на еретика на Ростригу Бояръ: Князя Василья, да братьвъ его, Князя Дмитрея, да Князя Ивана Ивановичевъ Шуйскихъ. И прислаша они втайнѣ ко всему народу, и торговымъ, и чернымъ людемъ Царстующаго града Москвы, глаголюще: Мы убо готовы пострадати за Святыя церкви и за Православную Христіанскую Вѣру, а вамъ бы тако же съ нами быти готовымъ со оружіемъ на богоотступника и на еретика, на Гришку, такоже и на поганыхъ разоряющихъ Православную Христіанскую Вѣру, въ тѣ поры, какъ ударятъ въ колокола у церквей и въ набаты. Се нынѣ, братіе, смертію живота купимъ, да аще пострадемъ, то и вѣнецъ непобѣдный [206] воспріимемъ; аще ли спасены будемъ, то Вѣра Христіанская непорочна и славима будетъ во вѣки. Еже слышавше Христіане отъ благочестивыхъ Князей радѣніе о Православной Вѣрѣ, и возопиша со слезами ко Всемилостивому Спасу и

Вседержителю и Пречистой Его Богоматери Божіей! Не остави насъ грѣшныхъ, уповающихъ на Тя, Боже, но избави насъ отъ злаго еретика и отъ Литвы поганые, Заступница Христіанская, моли Сына своего и Бога нашего, да избавитъ насъ и градъ нашъ отъ поганыхъ нахожденія! И быша готовы [207] всю нощь, ожидающе реченнаго звону.

И въ субботу пятыя [208] недѣли по Пасцѣ, свитающу утру и восходящу солнцу, и быстъ [209] ведрено, и пріидоша во градъ къ Соборной и Апостольской церкви Князи Шуйскіе, Князь Василей и Князь Дмитрей, и вшедше въ Соборную церковь Пречистыя Богородицы, и предъ честною иконою падше, со слезами моляхуся, глаголюще: Помози намъ, Госпоже, Богородице [210], Христіаномъ на онаго еретика! И на тотъ часъ изшедше изъ церкви и воскликнувше Православныхъ воиновъ, и стечахуся къ нимъ воины въ доспѣсѣхъ и съ самопалы, и съ копьи, и пойдоша въ домъ Царскій, къ Ростригѣ, и начаша его въ хоромѣхъ искати; онъ же окаянный нача бѣгати съ совѣтники своими и въ полатѣхъ запиратися и битися; благочестивіи же Князи повелѣша ударити въ колокола, первое у Святаго Пророка Иліи въ рядѣхъ, потомъ же по Ильинской улицѣ у Святыхъ церквей, такоже въ Соборѣ у Пречистыя Богородицы, потомъ же и въ набаты градные, тако же и по всему Царствующему граду Москвѣ у всѣхъ Святыхъ Божіихъ церквей и въ честныхъ монастырѣхъ, и быстъ звонъ великъ, и шумъ, и крикъ. И пойдоша Московскіи народы и все Православное Христіанство, конные и пѣшіе, Князи, и Боляре, и Воеводы, и Дворяне, и Дѣти боярскіе, и Дьяки, и всѣ Приказные люди, гости же, и торговые, и черныхъ слободъ, и всякіе люди, и стрѣльцы и пушкари, и Боярскіе люди, съ нарядомъ, и самопалы, и съ копьи, и съ рогатины, въ доспѣсѣхъ, и въ латѣхъ, и въ шеломахъ, и со всякимъ браннымъ оружіемъ, и глаголюще другъ другу: Богъ на помощь и сила Пречистыя и Преславныя Госпожи Богородицы! Пресвятая Богородица, помогай намъ! И поступиша на поганую Литву, и побивающе ихъ по улицамъ, и по переулкамъ, и по рядомъ, и по хрестцамъ, и по дорогамъ, гдѣ кто кого застигъ, сѣкуще, и колюще, и побивающе ихъ всякими обычаи. Князь же Иванъ Шуйской, скачюще на конѣ по площади, къ рядомъ вопіяше: Отцы и братія, Православною Христіанскою Вѣрою побѣждайте враговъ своихъ Христіанскихъ! И тогда Православные Христіане, скачуще и рыщуще по всему граду, яко львы рыкающе, яко серны побивающе, поганыхъ еретиковъ. Погавіи же Ляхове и Литва противъ Божія помощи стояти и противъ Православныхъ Христіанъ сотворити не возмогоша ничто же. И слышаше окольніе слободы того Царствующаго града Москвы звонъ великъ и шумъ во градѣ, и прискакаша многіе люди изо всѣхъ слободъ черныхъ, овіи на конѣхъ, а иніи на колесницахъ, а иніи пѣши, со оружіемъ и со дреколіемъ, многое множество побивающе Литву, и имѣніе ихъ разграбиша до нага, и побѣдиша ихъ до конца. Благочестивіи же Князи и Бояре, и все Христолюбивое воинство, изымаша злаго еретика, Гришку [211]

и убиша его въ полатѣ за дворцомъ два [212] избранные воины, Иванъ Васильевъ сынъ Воейковъ, да Григорей Волуевъ. и друга его и совѣтника, Петра Басманова; и ту испроверже еретикъ окаяный темную свою душу, и сниде во дно адово; и влачаху его смрадный трупъ изъ града на площадь въ Китай [213] подъ радъ, и ту поруганъ бысть 4 дни; въ пятый день, свезше его на поле, на конецъ [214] за курганы, и тамо сожгоша его въ его замышленье, въ древанномъ адѣ. Благочестивіи же Князи, и Бояре, и Воеводы, всѣ выѣздиша изъ града и сташа ѣздити по улицамъ и по дворамъ, гдѣ Литва стояла, и елицыхъ засташа живыхъ, тѣхъ не дающе убивати Христіаномъ, но имаше ихъ, посадиша ихъ въ крѣпости за приставы. Се же бысть побѣда и одолѣніе на враги и еретики Православнымъ Княземъ, и Болярамъ, и Воеводамъ, и всему Православному Христіанству, лѣта 7114 году, Маія въ 17 день, въ субботу на память Святаго Андроника пятые [215] недѣли по Пасцѣ, и біяху Литву со втораго часа дни до девятаго часа. А того жъ дни, съ утра рано, напередъ приходу въ городъ Кремль всякихъ чиновъ людей, желая пострадати за Православную Вѣру дьякъ Тимофей Осиповъ, иде на обличеніе вора Гришки, не устыдя лица своего и не пощадѣвъ себя и до смерти. И пришедъ къ Срѣтенію къ Ростригинымъ хоромамъ[216] за сторожу, гдѣ стояли Нѣмецкіе люди, Арцыры съ протазаны, и алабарники съ алабарды, и учатъ того вора Ростригу обличати, что онъ назвался Царевичемъ, Димитріемъ Іоанновичемъ Углецкимъ, и пишетъ себя въ титлахъ и въ грамотахъ Цесаремъ, непобѣдимымъ Самодержцемъ. И то слово Господу нашему Іисусу Христу противно и грубо, а онъ, воръ, еретикъ, подлинной Рострига, Гришка Отрепьевъ, ругатель Христіанскія Вѣры. И за то отъ того злочестиваго ругателя Тимофей убіенъ бысть, и сѣченъ саблями, и сверженъ съ сѣней на землю, гдѣ нынѣ житницы стоятъ; тѣло же его страдальческое взято съ честію [217] и погребено у Архангела [218] Гавріила, въ Бѣломъ Городѣ [219], въ Патріаршей слободѣ. И снидеся весь народъ Царствующаго града Москвы въ Соборную и Апостольскую церковь Успенія Пресвятыя Богородицы, Бояре и Воеводы, и Христолюбивое воинство, и вся Православные Христіане, по всѣмъ Святымъ церквамъ падоша вси на землю предъ иконою Пресвятыя Богородицы, со слезами молящеся: О Пресвятая Владычице Богородице, Всемилостивая Заступнице! Умоли, Госпоже, Сына своего и Бога нашего, Іисуса Христа; избавила, Госпоже, градъ нашъ Москву отъ злаго еретика и отъ поганскихъ нахожденій, и отъ ихъ разоренія, днесь радуемся. И изходя изъ церкви, цѣловаху другъ друга съ радостію, и бысть веселіе и тишина во всемъ Царствующемъ градѣ Москвѣ. Благочестивыи же Князи и со [220] Боляры повелѣша трупія [221] мертвыхъ носити изъ града къ убогимъ домомъ [222], и на полѣ копати ямы, и полотнами покрывати, и погребсти ихъ. И слышавше, что побито пять воеводъ Польскихъ, да два воеводы Литовскихъ, да три старосты Грацкихъ Польскихъ же, шесть Гетмановъ Литовскихъ [223], восемь Бурмистровъ Угорскихъ [224], три Ротмист-

ровъ Римскихъ, и Нѣмскихъ, да дворянъ Королевскихъ ближнихъ, Поляковъ и Ляховъ шестьдесятъ пять человѣкъ, да Римскихъ учителей побито, которые было пріѣхали съ Ростригою и съ Сендомирскимъ съ Юрьемъ Мнишкомъ [225] учити въ Россійскомъ [226] Государствѣ Римскому закону, три человѣка [227] Гординала, да четыре Каплана, да два Студента, что Апостольскія платья носили, да всякихъ людей Польскихъ, и Ляховъ, и Угрянъ, и Римлянъ, и Нѣмецъ побито того дни двѣ тысячи шестьдесятъ два человѣка, да раненыхъ тысяча триста семь человѣкъ, а послѣ того и тѣ помроша, не мнози осташася, да побитыхъ [228] ослопы и грабленныхъ донага лежали покинуты за мертво двѣ тысячи двѣсти семьдесятъ три человѣка, опричь тѣхъ, которыхъ побили по дорогамъ, кои бѣжали изъ Москвы и которые побиты въ стадихъ конскихъ, и кои гуляли по лугомъ [229], и тѣхъ невѣдомо сколько побито, а грабленыхъ и худыхъ выбрано и отпущено въ Литву тысяча девятьсотъ семьдесятъ человѣкъ, а на Москвѣ оставдено Польскихъ, людей двѣ тысячи семьдесятъ три человѣка [230].

Переводъ съ Посольскаго письма, списанный съ отверженнаго Ростриги Гришки Отрепьева, что далъ на себя крѣпость за своею рукою Воеводѣ Сендомирскому, а сказалъ Бучинскій, что письмо руки Воеводы Сендомирскаго, Юрья Мнишка, и самъ Воевода передъ всѣми Бояры сказалъ, что письмо его, Воеводина, рука.

Мы, Дмитрій Ивановичь, Божіею милостію Царевичь всея Россіи и Углицкій, Дмитровскій и иныхъ Князь, отъ колѣна предковъ своихъ, и всѣхъ Московскихъ государствъ Государь и отчичъ, помячи себе перваго житія нашего не тѣмъ обычаемъ, какъ иные монархи и предки наши, но какъ иные люди Христіанскіе, за призрѣніемъ Господа Бога всемогущаго, отъ Котораго живетъ начало и конецъ, аже и смерть бываетъ, отъ него же усмотрилъ есмя и улюбилъ себѣ, будучи въ Королевствѣ, въ Польскомъ дому честнѣмъ, великаго роду, житія честнаго и побожнаго, пріятеля и товарища, съ которымъ бы мнѣ, за помочью Божіею, въ молитвѣ и въ любви житіе свое проводить, сію вельможную Панну Марину съ великихъ кончинъ Мнишковку, воеводенку Сендомирскую, старостенку Литовскую и Самборскую, дочь ясневельможнаго Пана Юрья Мнишка, человѣка великія доброты и любви. И для того есмя взялъ его себѣ за отца и о томъ сего просили, чтобъ онъ всегда къ намъ былъ любитель, и дочь бы свою, Панну Марину, за насъ далъ. А что теперь мы есть не на государствахъ своихъ и теперь не до часу; а какъ дастъ Богъ буду на государствахъ, буду вмѣстѣ съ Панною Мариною за присягою, а язъ помню свою присягу, и намъ бы то прямо обѣма сдержати и любовь бы была межъ насъ, а на томъ писаніемъ своимъ укрѣпляемся; а впередъ во имя Святыя Троицы даю ему слово свое прямое Царское, что женюся на Паннѣ Маринѣ; а не женюсь я, проклятство на себя даю. А кой часъ доступлю государства отчины Московские, и я, Пану отцу ее милости, дамъ десять тысячь золотыхъ Польскихъ, также и Паннѣ Маринѣ, женясь на ней, изъ казны нашей Московской, на подъемъ для того дальняго проѣзду, къ наряду клейнотовъ, и сребра, и бархатовъ золотыхъ дамъ, и посланниковъ его милости, Пана отца и Панны Марины, не задержавъ отпустити, и ихъ жаловать, и дарить нашимъ Царскимъ жалованьемъ, на томъ мы на всемъ слово свое Царское даемъ. Другое: вступимъ не нашъ Царскій престолъ, отца на-

шего, и мы той часъ пословъ своихъ пришлемъ до найяснѣйшаго Короля Польскаго, извѣщаючи ему и бьючи челомъ, что то наше дѣло, которое нынѣ между насъ, было бъ ему вѣдомо и поволилъ бы, Пане, сдѣлать безъ убытка. Третіе: той же прежереченной Паннѣ, женѣ нашей, дамъ два государства великіе, Новгородъ да Псковъ со всѣми уѣзды, и съ думными людьми, и съ дворяны, и съ дѣтьми боярскими, и съ попы, и со всѣми приходы, и съ пригородки, и съ мѣсты, и съ селы, и со всякимъ владѣніемъ, и съ повольностью, со всѣмъ съ тѣмъ, какъ мы и отецъ нашъ тѣми государствы владѣли и сказывали; а мнѣ въ тѣхъ въ обоихъ государствахъ, въ Новгородѣ и во Псковѣ, ничѣмъ не владѣть въ нихъ, ни во что не вступаться, тѣмъ нашимъ писаніемъ подкрѣпляемъ и даруемъ ей, Паннѣ, то за тѣмъ своимъ словомъ прямо. А какъ за помочью Божьею съ ней вѣнчаемся, и мы то все, что въ нынѣшнемъ письмѣ написано, отдадимъ ему и въ канцеляріи нашей то во вѣки напишемъ, и печать свою Царскую къ тому приложимъ. А будетъ у нашей жены по грѣхомъ съ нами и дѣти не будутъ, и тѣ оба государства ей приказать намѣстникомъ своимъ владѣть ими и судить, и вольно ей будетъ своими слуги и всѣмъ людемъ помѣстья и вотчины давать, и купить, и продать, тако же вольно, какъ ся ей полюбитъ что, въ своихъ прямыхъ уѣздныхъ государствахъ и монастыри и костелы ставить Римскіе, и школы, и бискупы, и попы Латинскіе, поставлять и ихъ наполнять, какъ имъ впредь жити, а самой ей жить съ нами, а попы свои себѣ держать неженатыхъ, сколько ей надобно, также и набожество своей Римской Вѣры держать безо всякой заборони, яко же и мы сами съ Божіею милостію, съ великою трудностью то принесли есмя и стали въ томъ накрѣпко промышлять, чтобъ все государство Московское въ одну Вѣру Римскую всѣхъ привести и костелы Римскіе устроить. А того, Боже, намъ не давай, будетъ тѣ наши ризы въ государствахъ нашихъ не полюбятся и въ годъ того не сдѣлать, ино будетъ вольно Пану отцу и Паннѣ Маринѣ со мною развестись, или будетъ пожалуютъ больши того, подождать до другаго году; и азъ теперь въ томъ по всемъ даю на себя запись своею рукою, съ крестнымъ цѣлованьемъ, что мнѣ все то сдѣлать по сему письму, и цѣлую Кресть и присягаю на томъ на всемъ, при свѣтскомъ чину, при.... что мнѣ все, по сей записи, сдержать крѣпко, и всѣхъ Рускихъ людей въ Вѣру Латинскую привесть. Писано въ Самборѣ *Маія* 25 дня, лѣта отъ воплощенія Божія 1604; а на исповѣди написано Дмитрій Царевичъ рукою своею.— Воевода же Сендомирской, Юрья Мнишекъ, сказалъ передъ всѣми бояры, что писалъ къ нему Рострига Гришка съ Москвы за своею рукою, а далъ ему городъ Смоленскъ со всѣмъ уѣздомъ, да и се вѣру всю поволилъ въ нихъ, костелы и матринъ (?) Римской ставити.— Да онъ же воръ Рострига Гришка Отрепьевъ писалъ къ Папѣ *Римскому* съ попомъ его, съ Андреемъ Езувитомъ, а въ грамотѣ его написано въ томъ, что мысль его вся Ростригина и раденіе ото всего сердца и къ Папѣ Римскому и къ его Латинской Вѣрѣ, и какъ ему обѣщался, а подлинно онъ о томъ

о всемъ приказалъ къ Папѣ Римскому съ попомъ его, Андреемъ Езувитомъ, рѣчью, и впредь къ Папѣ хотѣлъ писать, а что онъ, Папа, слышелъ его, Ростригино, дѣло, о которомъ онъ писалъ къ Папѣ дважды, что сговорилъ женитъся у Сендомирскаго Воеводы, Юрья Мнишка, на дочери его, Маринѣ, за его писаннымъ благословеніемъ; а то отъ Папы благословеніе иному никому не достается, только тѣмъ, которые его Литовскіе Вѣры; а ты, де, мнѣ, Рострига, воздати то и Греческую Вѣру въ Латинскую отпустити и всѣхъ людей своего Государства на то привести хотѣлъ, и на томъ, онъ Рострига, Папѣ челомъ бьетъ, что онъ, Папа, о Московскомъ государствѣ ему, Ростригѣ, радѣетъ и промышляетъ накрѣпко, чтобъ ранѣе все Московское государство въ Латинскую Вѣру привести, а онъ, Рострига, во всемъ въ томъ крѣпокъ и неподвиженъ въ Латинской Вѣрѣ, на чѣмъ душу свою далъ Папѣ и Литовскому Королю.—А къ Гришкѣ къ Ростригѣ Кердиновъ начальной тверди въ Римской Вѣры, Мартынъ Малакрида, писалъ отъ Папы, а въ грамотѣ пишетъ, какъ вѣстка къ Папѣ придетъ, что онъ, воръ, еретикъ, Гришка Отрепьевъ, Рострига, и Латинску Вѣру принесъ, и имъ то всѣмъ будетъ во удивленіе и въ радость, и всѣ они о томъ станутъ веселитись, и всегда ему, Ростригѣ, Папа о томъ своимъ письмомъ напоминаетъ, что онъ, воръ, во многое Христіанство широкъ и Московское государство своимъ злохитрствомъ въ вѣру Латинскую своей рукой привесть и укрѣпить, какъ онъ, Рострига, напередъ того въ своей грамотѣ къ прежнему Папѣ, Клименту, изъ Сысгора писалъ, а они о томъ радуются всѣми сердцами и душами своими, что онъ, воръ, Рострига, хочетъ во всемъ Московскомъ государствѣ учинити Вѣру Латинскую и Римскую, и ему бъ, вору, вскорѣ во всемъ Московскомъ государствѣ Латинскую Вѣру укрѣпить, и самому быть крѣпку въ той же Латинской Вѣрѣ неподвижно.—Да къ нему жъ, къ вору, и еретику, Гришкѣ Отрепьеву, къ Ростригѣ, писалъ Папинъ Легатъ, которой живетъ у Польскаго Короля въ Краковѣ, Клавдіусъ Рагануль, для утвержденія Латинскіе Вѣры; а въ Грамотѣ его написано: надобно ему, Ростригѣ, сверхъ всего исполнити, что Папѣ и имъ обѣщался, что въ Московскомъ государствѣ Греческую Вѣру съ Латинскою соединить, и они тому его слову вѣрятъ; и онъ бы воръ, Рострига, по тому своему слову то вскорѣ учинилъ и своему имени отъ Папы и отъ иныхъ всѣхъ честь пріятъ.—Да Папа же писалъ къ Кардиналу Краковскому; а въ грамотѣ пишетъ, что онъ, Папа, его, Кардинала, укрѣпляетъ и благословляетъ на свадьбу любительныхъ дѣтей своихъ, Ростригу Гришку Отрепьева съ дѣвкою Мариною, Сендомирскаго дочерью; а то Папѣ на него, Кардинала, добрѣ радостно, что онъ Ростригу и дочь воеводы Сендомирскаго на обрученіе благословилъ по Римскому закону въ костелѣ, съ посломъ съ Ростригинымъ, съ Афанасьемъ Власьевымъ, въ мѣсто его Ростриги; а онъ, Папа, ихъ сердечнымъ хотѣніемъ такоже благословляетъ, что онъ, Кардиналъ, любительную воеводичну Сендомирскую укрѣплялъ и думалъ ей чтобъ накрѣпко Латинскую Вѣру держа-

ла и всѣмъ прямымъ сердцемъ промышляла съ мужемъ своимъ вмѣстѣ, чтобъ Московскаго государства людей, своихъ подданныхъ, къ Латинской Вѣрѣ привести; и подлинно, онъ, Папа, начается, что они по ся мѣста тѣмъ дѣломъ промышляютъ. А будетъ Кардиналъ его не станетъ слушать, и онъ его проклинаетъ, а онъ, Папа, начается, что Московскіе люди въ Латинской Вѣрѣ будутъ, только ихъ станетъ накрѣпко приводить, а не все любовью и волею, надобѣ и неволею и жесточью; а кто станетъ крѣпко, и того убивать не ужаснулся бы.— А Рострига къ Папину Легату, которой въ Польшѣ живетъ, для укрѣпленія Латинскіе Вѣры, писалъ, чтобъ онъ благословилъ жену его въ субботу мяса ясти для Московкихъ людей, а отъ Рускаго Патріарха причаститься; и Легатъ Папинъ писалъ къ нему противъ того, что онъ, Рострига, чинитъ негораздо, цѣловалъ на томъ крестъ и душу свою далъ, что ему быти въ Латинской Вѣрѣ крѣпку и неподвижому, да и всѣхъ людей привести въ Римскую Вѣру; а нынѣ хочетъ жену свою причастити у Рускаго Патріарха, да и для людей въ субботу мяса ясти; и онъ ему на то не позволяетъ, чтобъ онъ того ни какъ не дѣлалъ, помнилъ бы, на чѣмъ душу свою далъ Папѣ, да и самъ бы всемъ людемъ своимъ у Рускихъ поповъ причаститися и въ субботу мясо ясти не велѣлъ. — Рострига Гришка къ Папину Легату писалъ, что онъ вамъ виноватъ и впредь во всемъ самъ крѣпокъ въ Латинской Вѣрѣ и съ женою своею, и людей всѣхъ на то приводитъ къ Латинской Вѣрѣ, а инако слово его не будетъ. — Да сказывали въ распросѣ Станиславъ, да Янъ Бучинскіе, которые жили въ Верху и тайныя думы и всякихъ его тайныхъ дѣлъ: канунъ, де, того дни въ пятницу, Маія въ 17 день, какъ того, Рострigу убили, говорилъ тотъ Рострига, наединѣ со Княземъ Константиномъ Вишневецкимъ, а они были туто же: Время, де, мнѣ своимъ дѣломъ промышляти, чтобъ государство свое утвердить, Вѣру Костела Римскаго распространить, а начальное дѣло, чтобъ бояръ побить; а не побить, де, Бояръ, и мнѣ, де, самому отъ нихъ быть убиту; а только, де, побью Бояръ, и я, что хочу, то учиню. И Рострига, де, молвилъ: То уже у меня умышлено; тѣмъ обычаемъ велѣлъ язъ вывезать за городъ нарядъ весь, будто для потѣхи, и въ сю, де, недѣлю Маія въ 18 день, велѣлъ тутъ выѣхати за городъ, будто стрѣльбы смотрѣть, воеводѣ и сыну его, старостѣ Сенатскому (?) и парломъ (?) всѣмъ Устаницкимъ (?) съ Ротмистромъ Доморацкимъ, и съ нимъ всѣмъ Полякомъ и Литвѣ, въ збруѣ со всѣмъ со оружіемъ. И какъ язъ выѣду на стрѣльбу, а за мною будутъ Бояре всѣ и Дворяне, и какъ учнутъ изъ наряду стрѣляти, и въ ту пору Поляком всѣмъ ударить на Бояръ и на дворянъ, и побивать, а то де, есми указалъ же, кому на кого на Бояръ пріѣхати и убити: Князя Ѳедора Мстиславскаго убити Михаилу Ратомскому, а Шуйскихъ Тардуда (?) Ставницкимъ; а про иныхъ Бояръ тако же приказано, кому кого убити; а будетъ веселе, и есми Бояръ, которые здѣся владѣютъ, двадцати человѣкъ, и какъ, де, тѣхъ побью, и во всѣхъ будетъ моя воля. И они, де, Бучинскіе, молыли Московское государство великое, станутъ

за Бояръ всѣмъ государствомъ, и Поляковъ и Литву самихъ всѣхъ побьютъ. Ростригa Гришка говорилъ: Поляки, де, и Литва выѣдутъ всѣ вооружены; да и звычей у меня тотъ уложенъ, что на потѣхы со мною часто выѣзжаютъ роты вооруженны, урядивъ, какъ на битву; былъ бо есми на веселіе, и со мною былъ Ротмистръ Доморацкой со всею ротою, во всей ратной збруѣ, да и здѣсь ко мнѣ часто пріѣзжаютъ, урядясь какъ на битву, и то, де, будетъ уже ни кому неприметно, что выѣдутъ нынѣ со мною Поляки и Литва въ збруѣ, а Бояре и Дворяне, ѣздя за мною простымъ обычаемъ, безъ оружія, и имъ, де, безъ оружія, то учинить. А какъ, де, тѣхъ Бояръ побью, и достальные, де, всѣ устрашатся, еще, де, иные на нихъ же пойдутъ и станутъ побивать. И они, де, Бучинскіе молвили: Велико то дѣло, надобѣ начать, чтобъ его совершить; а только не совершится, ино самымъ будетъ худо и самихъ насъ побьютъ. Ростригa Гришка говорилъ: Вѣрьте, де, мнѣ, что одноличнo то все совершится; язъ же уже такія статьи видалъ сего году въ Великой постъ; поговорили, де, про меня немногіе Стрѣльцы, что язъ Вѣру ихъ разоряю, и мнѣ, де, тотчасъ сказали, и язъ, де, тѣхъ Стрѣльцовъ велѣлъ сыскать, и приказалъ быть на дворецъ всѣхъ приказовъ Стрѣльцомъ, и тѣхъ, которые говорили туто, то же велѣлъ привести, и учалъ, де, есми вину и ихъ измѣну всѣмъ Стрѣльцомъ сказывать; а у меня, де, уже, говорено съ Григорьемъ съ Микулинымъ, какъ ему туто говорить и что надъ тѣми Стрѣльцами учинить. И какъ, де, измѣну ихъ объявили, и Григорій, де, учалъ мнѣ говорить: Освободи, Государь, мнѣ; я, де, у тѣхъ твоихъ Государевыхъ измѣнниковъ не только что головы поскусаю, и чрева ихъ у нихъ своими зубами повытягаю; да мигнулъ, де, Григорія на нихъ Стрѣльцовъ, и Стрѣльцы, де, блюдясь отъ меня, тѣхъ моихъ измѣнниковъ въ мгновеніи ока изсѣкли, сѣкучи ихъ; а то, де, чаю, также будетъ. На кого, де, только укажу, что измѣнникъ, и тому, де, уже не пробудетъ; всѣ, де, отъ меня блюдутся, дѣлаютъ то, что я велѣлъ. И они, Бучинскіе, молвили, что, де, такихъ Думныхъ Бояръ хощешь побить, да кому у тебя въ государствѣ всякую расправу править и уряжать, и кому въ Приказѣхъ быть? И Гришка, де, Ростригa говорилъ: То, де, уже у меня умышлено; нынѣ де, у меня здѣся готовы: воевода Сендомирской, да староста Сѣнницкой, да ты, Князь Вишневской, да Ставницкіе, да вы, Бучинскіе, и иные пріятели; а по иныхъ, де, Поляковъ и по Литву пошлю, и они, де, будутъ же безо всякаго опасенія, и надежно Государство мое будетъ, и въ Римскую Вѣру вскорѣ всѣхъ приведу; а то, де, язъ уже видѣлъ здѣсь, хотя кого безвинно велю убить, никто ни за кого слова не молвитъ. И они, де, Бучинскіе, говорили: Слышали есмя здѣсь что и такъ насъ не любятъ, а только станемъ неволею приводить въ Римскую Вѣру, и за то станутъ всѣмъ народомъ. И Ростригa, де, воръ, Гришка Отрепьевъ, говорилъ: Видѣли есте вы сами, что здѣсь дѣлается. Нарокомъ, де, есми я приказалъ Полякамъ и всѣхъ разныхъ вѣръ людямъ ходити здѣсь въ большую ихъ церковь и по всѣмъ ихъ церквамъ въ сабляхъ; и какъ, де, ходить по-

чали, и они, де, сперва немного поговорили межъ себя, и то тайно, а нынѣ, де, уже перестали, и то поставили не за что; и язъ, де, велѣлъ Полякомъ носить кресты у попсовъ, и ниже гораздо пояса, и назади, и они, де, тому клаияются; въ церкви, де, ихъ такъ ходили и за то никто, никаковъ человѣкъ, слова не молвилъ. А какъ, де, есми вѣнчался, и у меня, де, въ то время было опасенье, потому что, по ихъ Христіанскому обычаю и закону, первое крестить, да то же ввести въ церковь, а не крестивъ никому и иныхъ Вѣръ въ церковь не входити; и язъ, де, нарочно велѣлъ быть въ тѣ поры въ церковь Люторомъ и Кальвинщомъ и Сверляникомъ (?) и Папеженомъ, и Греческаго закону и иныхъ вѣръ людемъ, и они, де, въ церкви были, и слышалъ де есми что и образомъ ихъ ругалися, и смѣялись, и въ церкви сидѣли иные въ обѣдню, а иные спали, на образъ прислонясь; и за то, де, ни каковъ человѣкъ не смѣетъ слова молвить; а больши, де, всего есми боятся, что Царева моя Римскіе Вѣры, и егда на то Митрополитъ, и Архіепископъ, и Епископы, упрямятся, не благословятъ и миромъ не помажутъ, и во многолѣтье не станутъ поминати, и какъ, де, есми пшелъ вѣнчатися въ церковь, и язъ, де, что хотѣлъ, то дѣлалъ, все, де дѣлалось по моему хотѣнію и воли; а которые, де, Митрополиты, и Архіепископы, и Епископы и протопопы, учали было прежъ сего о томъ говорити, и язъ, де, ихъ поразослалъ, и нынѣ, де ни каковъ человѣкъ не смѣетъ молвить, и во всемъ волю мою творятъ. И говорилъ, де, ту Рострига Гришка съ клятвою, что однолично въ недѣлю, Маія въ 18 день, на стрѣльбѣ, Мстиславскаго, и Шуйскихъ, и иныхъ Бояръ, и дворянъ лучшихъ, и дѣтей боярскихъ, и головъ, и сотниковъ, и стрѣльцовъ, и огородныхъ людей, которые любо станутъ за нихъ, побити всѣхъ, а совершить тотчасъ велю костелы Римскіе ставить, а въ церквахъ Рускихъ не велю пѣти, и то, де, совершенно все, на чѣмъ же есми присягалъ Папѣ, и Кардиналу, и Арцибискупу, и Бискупомъ, и какъ, де, есми воеводѣ подъ клятвою въ письмѣ своемъ написалъ, да и Вишневецкому приказалъ, чтобъ Кнледъ со всѣми своими людьми былъ готовъ и промышлялъ бы неоплошно.

РАЗНОСЛОВІЯ.

Въ спискѣ Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ читаемъ:

1. Царствія.
2. Остался.
3. Прибавлено: „всея Россіи."
4. Лѣта единаго.
5. Начать.
6. И на великихъ Россійскихъ Боляръ, подъискивая Государствъ Россійскихъ.
7. Угличь.
8. Прибавл.: „съ нею."
9. Пропущено: „злымъ."
10. Возставляетъ.
11. Пропущ.: „образъ истинный."
12. Пропущ.: „Православныя."
13. Взято изъ Архив., а по Сахаровскому списку: „на Князя Ивана Петровича и на Князя Дмитрія, и на Князя Александра, и на Князя Ивана Ивановичей."
14. Суй.
15. Смирному.
16. Волгу.
17. Противный вѣтръ.
18. Прелестію.
19. Престольную и честную и великую церковь.
20. Глаголъ Пророческихъ.
21. Пропущ.: „дѣйствомъ."
22. Свирѣпому звѣрю.
23. Да.
24. Рече.
25. Пропущ.: „сей."
26. Прибав.: „роду."
27. Трифоновѣ.
28. Проп.: „яко же."
29. Же.
30. Посла.
31. Наслѣдить.
32. Совершенія.
33. Проп.: „свят. мѣстомъ."
34. Возвратися.
35. Черицу.
36. Священства.
37. Сапскій; а выше „Шпльскій."
38. Питьѣ.
39. Строеніе
40. Отсюда все пропущено въ Сахаровскомъ спискѣ, и потому взято изъ Архивскаго.
41. Доселѣ пропускъ.
42. Проп.: „Августъ."
43. Немилосердъ.
44. Опять пропускъ до 45.
45. Доселѣ пропускъ въ Сахаровскомъ спискѣ.
46. Поклонися.
47. Прибавлено: „Яне!"
48. Опрѣснокую.
49. Бесѣдоваша.
50. На 10-ть.
51. Прибавл.: „зѣло."
52. Острогополь.
53. Отсюда до „пріатъ" пропущено въ Архивскомъ спискѣ.
54. Опять съ этѣхъ мѣстъ до „и до себя не велѣлъ спустити" пропущено въ сп. Архивскомъ.
55. Поправлено по Архивскому списку, а въ Сахаров.: „Свинскихъ."
56. Пригожъ де.
57. Пропущ. въ Архив.: „Московскихъ".
58. Вора.
59. Бернадикту.
60. Поправлено по Архив., а въ Сахаров.: „и нѣсть не учители, но губители суть."
61. Приб.: „сіе."

62. Поправл. по Архив., а въ Сахар. „Россійстѣй.“
63. Пріидоша и сташа.
64. И ей доспти (что нелѣпость).
65. Пропущ. въ Сахар.: „брате и Господине.“
66. Пропущ. въ Сахар.: „Царевичъ Дмитрій.“
67. Проп. въ Сах.: „Божественной.“
68. Поправл. по Архив., а въ Сахар. „Римскія.“
69. Пропущ. въ Сахар.: „На трапезѣ же предъ нимъ по чину Царску предстояша.“
70. По Архив., а въ Сахар. „прорчеся.“
71. Россію.
72. Приб. по Архив.: „трехъ.“
73. По два мниха.
74. Имаше.
75. Въ Архив. „яко сысканы“ вм. „и посылаемы.“
76. Спальницу.
77. Утекъ.
78. По Архив., а въ Сахар. „посылаетъ.“
79. Отъ Царя Бориса.
80. По Архив., а въ Сахар. „Смоленскаго города.“
81. Ученіи.
82. Здратца.
83. Въ Архив. послѣ „Бискупомъ“ слѣдуетъ еще „Кардиналомъ.“
84. Державы Тайныя Думы.
85. Пропущ. въ Архив. 6 послѣднихъ словъ.
86. Попрати.
87. Мщеніе.
88. Прибавл.: „Руссків.“
89. Козаковъ.
90. Пропущ.: пированіе.“
91. Закона.
92. Прибавл.: „и кадельному и Езовитской вѣрѣ.“
93. Водрузися.
94. Прибавл.: „ и Езовитскую.“
95. Есть.
96. Изъ Архив. „по діаволю дѣйству,“ пропущенное въ Сах.
97. Лстивые.
98. Народъ.
99. Стрижанъ.
100. Приб.: „передъ Рожествомъ Христовымъ.“
101. Добрынечахъ.
102. 30.
103. Полцы.
104. Короля Казанъ (?).
105. Прибав. изъ Архив.: „освященнаго.“
106. Слышаша.
107. Изъ Архив. „между собою.“
108. Нынѣ.
109. Князь Василей, да братъ его, Князь Иванъ Голицынъ.
110. Сетревъ.
111. Изъ Архив. „Григорьево.“
112. Въ „Тамваресенье,“ что нелѣпо.
113. Иные.
114. Изъ Архив. „въ 9 день.“
115. Пропущ.: „велегласно.“
116. Сутукова.
117. Пропущ.: „на Срѣтьинской улицѣ.“
118. Въ Архангеловѣ храмѣ.
119. Прибав.: „народа.“
120. Не смѣя.
121. Растригѣ.
122. И пріидоша посланники и тако сотвориша.
123. Изъ Архив., вм. Сахар.: „повелѣша.“
124. Людьми.
125. Кончаны.
126. Пропущ.: „окаянный злый еретикъ.“
127. Пропущ.: „благочестивые.“
128. Наученный козелъ.
129. Прибавл.: „Болярина.“
130. Изъ Архив.: „Совѣтника.“
131. Казни предати.
132. Прибавл.: „Болярина.“
133. Прибавл.: „Бояринъ.“
134. Моей.

135. Прибавл.: „на площадь."
136. Разослати.
137. Прибавл.: въ „опалы."
138. Поймати.
139. Литовскую.
140. Потаковщика.
141. Изъ Архив. „а не пастыремъ."
142. Люторской.
143. Люторскую.
144. Прибавл.: „Папины."
145. Да.
146. „Образомъ и святымъ иконамъ не покланяючись.
147. Рубляху.
148. Всѣмъ Православнымъ Христіяномъ скорбь и веліа бѣда.
149. Изъ Литвы же по вся дни пріѣзжаху.
150. Къ Москвѣ.
151. И Православное Христіянство оскорбляху, крове проливаху, убиваюше.
152. Убити Растрига на Дворцѣ.
153. Старцовъ.
154. Не восхотѣша.
155. Въ Сахаров. ни какъ не льзя разобрать, а въ Архивскомъ пропускъ.
156. Пропущ.: „въ Литву."
157. Посла.
158. Въ Литву.
159. Пропущ.: „съ товарищи."
160. И пишетъ въ грамотахъ и возвѣщаетъ.
161. И проситъ и молитъ его, Короля, попрежнему ихъ слову и договору.
162. Панну.
163. Прибавл.: „Старосты Самборскаго."
164. Невозбранно.
165. Изъ Архив. „съ посломъ" и слѣд. до „для такого."
166. Прибавл.: „къ Королю."
167, Время не мало.
168. Пропущ.: „въ Литву."
169. Растригино совѣщаніе о бракѣ, посольство и обрученіе въ Сахаровскомъ спискѣ поставлены тотчасъ послѣ вѣнчанія его іюля въ 8 день.
170. Все это пропущено въ Архивскомъ.
171. Степень Святѣйшій.
172. Свирскій.
173. Пропущ.: „наставляемы."
174. Повелѣваетъ.
175. Тѣмъ.
176. Повелѣвая.
177. Не о смиреніи, но о разореніи любви и кровопролитіи.
178. Это до „егда вниде" поставлено въ Сахар. тотчасъ за посольствомъ Растриги въ Польшу по невѣсту.
179. Тутъ въ Сахар. слѣдуетъ описаніе свадьбы.
180. Пропущ.: „Панну Марину."
181. Пропущ.: „съ Каштеляны."
182. Пропущ.: „Литвы."
183. Той.
184. А съ ними пріиде посолъ Кн. Литовскаго, прося великаго града Смоленска и Сѣверныхъ городовъ, а таковаго града велика, яко вѣчно ему Рострига отсулилъ.
185. Изъ Архив., а въ Сахар. „въ Новѣгородѣ и Псковѣ, чтобъ ему Ростригѣ отдати.
186. Егда же внѣ Москвы Сандомирской воевода, посолъ моливъ, тутъ повелѣ ихъ оставить.
187. Самыхъ.
188. Тутъ помѣщено все предыдущее иначе, нежели въ Сахаровскомъ.
189. Это въ Сахаров. поставлено передъ: „егда вниде въ Россійское государство."
190. Злый еретикъ, ругатель Христова закона, воръ Гришка Отрепьевъ, Растрига, женися.

191. Дѣвку.
192. Марюху.
193. Маринку.
194. Вѣнчанъ быстъ.
195. Велѣнію.
196. Прибавл.: „и повара."
197. Прибавл.: „люди."
198. Бѣснующаго.
199. Коли.
200. Дмитрія.
201. Ростовскому.
202. Четвертой.
203. Будто.
204. Шишехъ.
205. Четвертые.
206. Подобный.
207. Прибавл.: „всѣ."
208. Четвертыя.
209. Прибавл.: „утро."
210. Владычице.
211. Прибавл.: „Отрепьева."
212. Прибавл.: „нѣкоторые."
213. Пропущ. въ Архив.: „въ Китай."
214. На котелъ.
215. Четвертые.
216. Воротамъ.
217. Честно.
218. Архистратига.
219. Изъ Архив.: „въ Бѣломъ городѣ."
220. Прибавл.: „многими."
221. Трупіе.
222. Домамъ.
223. Угорскихъ.
224. Римскихъ.
225. Пропущ.: „Мнишкомъ.
226. Рускомъ.
227. Пропущ.: „человѣка."
228. По сихъ.
229. Которые побѣжали.... и которыхъ побили.... и которые....
230. Въ Архивскомъ таковъ конецъ: „а на Москвѣ оставлено Польскихъ и Литовскихъ: воевода Юрья Мнишка съ товарищи, 14 воеводъ, да 13 старость Грацкихъ, да 73 человѣка дворянъ Королевскихъ, да Шляхтовъ оставлено и Поляковъ 670 человѣкъ, да Рострigина жена, Марюха, Литовка, съ паньями и дѣвками, по головамъ 75, да посолъ Королевской и дворянъ Александра Гасевской засаженъ, а съ нимъ всякихъ людей 450 человѣкъ.